

**Антон Кравин
Виктор Глумов
Андрей Левицкий
Путь одиночки**
Серия «S.E.C.T.O.R.», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4977309
Левицкий, А. Путь одиночки (фантаст. роман): Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-45070-9*

Аннотация

Если ты остался один посреди Сектора, тебе не поможет никто. Не помогут охотники на мутантов, ловчие, бандиты и прочие – для них ты пришлый. Чужой. Тебе не помогут звери, населяющие эти места: для них ты добыча. Жертва. За тебя не заступятся бывшие соратники по оружию, потому что отдан приказ на уничтожение и теперь тебя ищут, чтобы убить. Ты – беглый преступник. Дичь. И уж тем более тебе не поможет эта враждебная территория, которая язвой расползлась по телу планеты. Для нее ты лишь еще один чужеродный элемент. Враг.

Ты – один. Твой путь – путь одиночки. И лежит он через разрушенные фермы, заброшенные поселки, покинутые деревни. Через леса, полные странных искажений и населенные опасными существами. Через все эти гиблые земли, которые называют одним словом: Сектор.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Андрей Левицкий, Виктор Глумов, Антон Кравин Путь одиночки

Часть первая

Глава 1

Москва, здание Министерства аномальных ситуаций (МАС)

Из окна своего кабинета на седьмом этаже Генрих Юрьевич Ротмистров видел Барьер – бетонную стену с «колючкой» поверху – и огражденный переход от подъезда дома, в котором он находился, до КПП. И бойцов у шлюза. Оттуда как раз выезжал патрульный бронетранспортер, и Ротмистров мысленно пожелал солдатам не попасть под Всплеск. Шел мелкий дождь, БТР матово отблескивал.

А дальше простирался Сектор.

Ротмистров привык к этому виду. МАС отстроило у Барьера хорошо армированную, с усиленной арматурой высотку. Новоиспеченному начальнику Службы контроля за оборотом биотина выделили кабинет мало того что на седьмом этаже, так еще и окнами на Сектор.

Начальство покрупнее предпочло сидеть лицом к Москве. Мелкие клерки наглухо закрывали жалюзи. Но Ротмистров любил Сектор. Он даже несколько раз бывал за Барьером, правда, глубоко не забирался.

Осень выдалась на удивление теплая, к середине октября листья еще не опали. Сквозь серую пелену дождя виднелись яркие, будто светящиеся, осенние деревья, и сейчас Сектор казался уютным, обитаемым, мирным. Типичный подмосковный пейзаж: лес, какие-то постройки, дорога...

По дороге ехал БТР.

Естественно, Сектор не был ни уютным, ни обитаемым, ни мирным. Где-то там, дальше от Барьера, бродило дикое зверье, сводили с ума, калечили и убивали людей искажения... Там проводники сопровождали группы, жили следопыты, нелегальные охотники, отстреливающие мутантов. Сектор был образованием нестабильным, и снаружи, за Барьером, работали ловчие, как называли молодцов, промышлявших хамелеонами.

– Генрих Юрьевич! – ожил коммуникатор. – Капитан Астрахан прибыл.

– Через пять минут.

Ротмистров устроился за большим дорогим столом (вся мебель в этом кабинете была дорогая, как и большинство других вещей в его жизни – Генрих Юрьевич любил комфорт и роскошь). Он развернул на мониторе личное дело капитана – нужно освежить в памяти детали. Бегло просмотрел послужной список, награды и взыскания... Хорошо повоевал Данила Астрахан, в горячих точках был. И ушел со службы после конфликта с командиром. Своеволен, упрям. Все еще капитан, карьеру не делает, в штабе сидеть не хочет. Но профессионал, этого не отнимешь. Причем профессионал как раз нужного профиля.

Генрих Юрьевич закрыл личное дело и сказал в коммуникатор:

– Зовите Астрахана.

Дверь отворилась, вошел невысокий брюнет. Отказырлял, представился. Ротмистрову этот человек не нравился: от скулы до виска шрам, нос сломан, глаза холодные и общий вид

– презрительный. Капитан смотрел на хозяина кабинета, но казалось, не замечал его. Стоял навытяжку, ждал приказаний.

Ротмистров улыбнулся. Астрахан ответил кривой усмешкой.

– Присаживайтесь, капитан. Разговор будет долгим...

Данила Тарасович Астрахан, похоже, не удивился тому, что его вызвали к генерал-майору Ротмистрову. До этого начальник Службы контроля за оборотом биотина с капитаном не общался, приказы тот получал от своего непосредственного командира, майора Гриценко. Сейчас Ротмистров внимательно наблюдал за бойцом, но Астрахан оставался невозмутим, как удав.

– Вот, засвидетельствуйте. – Генрих Юрьевич через стол протянул ему планшет с подпиской о неразглашении.

Астрахан ознакомился и приложил большой палец.

– А теперь к делу. Разговор наш – конфиденциальный, сами понимаете. Давайте начнем издалика, я люблю излагать по порядку.

Астрахан ничего не ответил, только взгляд сфокусировал на Ротмистрове. Глаза у капитана были такие... дикие глаза, с легкой безуминкой.

Генрих Юрьевич развернул на планшете карту Сектора. Территория была обведена красным: скорее овал, чем круг, с центром в Дубне, некогда закрытом наукограде. Истинный эпицентр, он же Глубь, находился на острове Могилевский. Граница Сектора пролегла по более или менее крупным населенным пунктам: Кесова Гора и Тверь на севере, Плещеево на востоке, Лобня на юге, Пречистое на юго-западе. Сергиев-Посад, красивейший город с богатой историей, малая родина Ротмистрова, остался в аномальной зоне.

Сектор. Сто семьдесят километров загадок с тремя поясами опасности. Первый пояс обозначался желтым – тридцатикилометровая зона от Барьера до Дмитрова, относительно обжитая. Ее по мере возможности контролируют патрули МАС, охотники бьют мутантов, хамелеонов и добывают «сувениры» в основном здесь. Всплески тут ощущаются слабо, в периоды затишья работает электроника, тварей и всяких опасных искажений относительно мало, опытному человеку их легко обойти.

А вот если во Втором поясе опасности, оранжевом, шарахнет Всплеском, сердце немолодого человека может не выдержать. Лучше туда не соваться, что МАС и делает. Зато там кишат браконьеры, гибнут пачками и все равно лезут, да беглые зэки, поговаривают, образовали общину. События в оранжевом поясе происходят странные, взять, например, Дмитров, где пропали все люди, когда появился Сектор, а некоторые... Ротмистров вспомнил фотографии – мертвецов, вмурованных кто в асфальт, кто в дерево, кто в стену дома, – и повел плечами. Это напоминало результаты «филадельфийского эксперимента».

Ученые, в том числе отец Данилы Астрахана, открыли исследовательский центр в Институте акустики, возле самой Глуби. Что там делали, Ротмистров не знал – уровнем доступа не вышел. Это уже Третий пояс опасности – красный круг вокруг Дубны. Все, кто побывал там, меняются, многие сходят с ума.

– Вам знаком этот участок? – Он пододвинул к Астрахану планшет, где пульсировала зеленая точка – пункт назначения. – Тверская область, болото, Третий пояс опасности. По нашим данным, оттуда за Барьер идут нелегальные поставки биотина. Данила Тарасович, вы сын Тараса Петровича Астрахана – думаю, про свойства биотина вы знаете не хуже меня и должны осознавать, какую угрозу представляет для государства его утечка.

– Представляю, товарищ генерал-майор.

– Так вот, в указанном районе действует группировка контрабандистов. Как выяснилось, они обосновались там давно. Твоя, – Генрих Юрьевич для убедительности перешел на «ты», – задача – захватить их главаря, Федора Михайловича Кострова по прозвищу Фидель

Кастро. – Он протянул капитану фотографию мужчины. – Не убить, не покалечить, а захватить и доставить ко мне. Карту его постоянного лагеря, маршрут – всё получишь.

Ротмистров ждал вопросов, но Астрахан, рассматривая снимок «клиента», только произнес: «Так точно!», – и Генрих Юрьевич, украдкой поглядывая в его невозмутимое лицо, продолжил:

– У Кострова есть дочь, Владислава. Будешь смотреть досье? Всё в этой папке. Влада интересная девушка: отец интеллигент, а дочка боевая, проходила подготовку в военных лагерях, пыталась вступить в армию, но то ли не получилось, то ли передумала... Значит, так, Данила, пойдешь со своими людьми. Нечипоренко, Белов, Лазебный – правильно? Проводником будет Глеб Кузьмин, надежный человек. Получишь схему лагеря, но очень приблизительную, ее сделал осведомитель с чужих слов. Выходите завтра на рассвете. Ни одна живая душа про операцию знать не должна. Есть подозрение: в МАС завелась крыса, шпион Кострова, передающий ему информацию. Мы занимаемся этим, но пока не можем вычислить агента контрабандистов.

Астрахан придвинул к себе карту и принялся ее изучать. Его молчание становилось неприятным, оно будто давало капитану какое-то преимущество над собеседником, ставило его выше генерал-майора. Ротмистров знал карту наизусть и видел, на что обращает внимание Астрахан, где задерживается его взгляд.

Болота под Тверью – место плохое. Казалось бы, от Глуби далеко, но искажений на севере Сектора больше, чем на юге, мутантов и всякой агрессивной фауны тоже больше. Хуже того, Тверь, разделенная Барьером пополам, населена. И люди в официально нежилой части недружелюбные: ловчие, перекупщики, наживающиеся на сплаве из Сектора желез хамелеонов – источника биотина – и «сувениров», беглые уголовники... МАС несколько раз зачищало Тверь, но дрянь и шваль снова туда стягивается.

Конечно же Астрахан понимает, что заходить придется со стороны Твери. Потом – лесами и болотами к хорошо укрепленному и защищенному лагерю.

– Какое оружие? – внезапно спросил Астрахан, отвлекшись от карты.

Ротмистров едва не вздрогнул. Есть в этом капитане что-то неуправляемое, напоминающее о волке. Его загнали в собачий питомник армии и посадили на цепь Устава, но все равно «приручить» таких людей практически невозможно, в душе они остаются вольными хищниками. «Тебе бы с моджахедами по горам лазать да засады нашим патрулям устраивать, – подумал Ротмистров, – а не группу российского спецназа на задания водить. За что там тебя выгнали из армии, а, капитан? Да не просто списали – выперли со скандалом, с шумом!»

Вслух же он сказал:

– Вчера со своим отрядом ты взял схрон следопытов, так? И оружие вы еще сдать на склад конфиската не успели. С ним и пойдете. Рисковать операцией и давать официальное разрешение я не могу – сольют информацию, Фидель успеет уйти. Возьмете оружие, приедете в Тверь. У вас у всех пропуска за Барьер есть? Хорошо. Там встретитесь с Кузьминым. После выполнения задания гарантирую премию и пять отгулов.

Астрахан снова уткнулся в карту. И что он там надеется увидеть? Снимки старые, над Сектором спутники «слепнут», а классическая картография там – занятие смертельно опасное. Сколько ученых сгинуло – не сосчитать. Кто погиб в искажении, кого сожрали звери, а кого убили местные.

Ротмистров глядел на капитана с возрастающим раздражением. Он любил все обсудить в деталях, план на каждый шаг составить, до подчиненного донести. А капитан Астрахан молчал и, похоже, дела ему не было до замыслов генерал-майора. Так же на последнем совещании по общей стратегии исследований Сектора молчал его отец, профессор Тарас Петро-

вич Астрахан, – и такие же двоякие чувства, смесь уважения и настороженности, вызывал Астрахан-старший у начальника Службы контроля за оборотом биотина.

Наконец Астрахан-младший отодвинул от себя планшет.

– Значит, мы должны захватить контрабандиста Кострова по кличке Фидель и доставить его в Москву для проведения следственных мероприятий. Действовать самостоятельно, оружие – из конфиската. А что делать с другими контрабандистами? Обезвредить? Боевые действия в лагере разрешены? Использование взрывчатых веществ?

– Ни в коем случае. Жертв быть не должно.

В серых глазах капитана Астрахана мелькнуло нечто, чего Генрих Юрьевич Ротмистров не смог понять.

Глава 2

Сектор. Тверская область, лагерь Фиделя и округа

Когда Данила занял позицию для наблюдения и вытащил бинокль, Кузьмич – чудо-проводник, сосватанный Ротмистровым, – обошелся тем, что поднес ладонь ко лбу и нахмурил косматые брови.

Он вообще был тот еще тип, этот Кузьмич. Нескладеха-увалень, лесник-пропойца из анекдота. Рыжая клочковатая борода, кирзовые сапоги, полотняный вещмешок, допотопный маскомплект расцветки «березка», СКС такой древний, что деревянное цевье вытерто до белизны, и разве что шапки-ушанки не хватало для полноты образа. Тем не менее по Сектору Кузьмич ходил как по своему дому – уверенно, быстро и ровно. Страхов не нагонял, жутких баек не травил, искажениями не пугал и благодаря склонности молчать в представлении Астрахана был близок к образу идеального проводника-следопыта.

В общем, дело свое Кузьмич знал. А что странноватый он... все хорошие проводники с придурью – Сектор так на них действует.

К лагерю Фиделя шли сначала по асфальтовой дороге, потом по накатанной броне-транспортёрами грунтовке, затем свернули в лес. Кузьмич чувствовал себя вольготно, подмечал только ему известные знаки и, насвистывая и подпрыгивая, шагал впереди. По пути пару раз попадались пары охотников – браконьеров или официальных, Даниле было не интересно. Кузьмич вел себя с ними излишне эмоционально, пожимал руки, обниматься лез.

Вскоре начались болота, перемежаемые замшелыми полянами с недозрелой клюквой. Мох пружинил под ногами, розовели нанизанные на стебли бусины ягод, иногда встречались грибы – крупные, влажные, с темно-бурыми шляпками. Ни одной твари по пути не попалось. Зато Данила узнавал про искажения – его предупреждала сигналка, полезный «сувенир» в тонком полотняном мешочке на шее. При опасности сигналка леденела и тихо потрескивала. Кроме того, она смягчала воздействие Всплеска. Данила отобрал эту штуку у следопыта во время облавы пять месяцев назад, но так и не собрался найти покупателя, всё руки не доходили. Штука дорогая, хотя теряет свойства в течение полугода.

Наконец добрались до заболоченного пролеска недалеко от лагеря контрабандистов. Сосны здесь росли на мшистых кочках, между которыми стояла черная затхлая вода, усыпанная золотой листвой. Кое-где сосны проигрывали воде право на жизнь и торчали черными, словно обугленными скелетами.

– До наблюдательного поста метров триста с небольшим еще, – прошептал Кузьмич. – Ближе сейчас всей толпой не будем подходить – опасно.

Оставив бойцов в пролеске, капитан с проводником пробрались поближе к лагерю и залегли.

Данила подкрутил бинокль. Точка обзора не самая лучшая, но еще ближе подкрадываться рискованно, да к тому же туман сгущается. С одной стороны, это хорошо, с другой – скверно. Капитан, облаченный в костюм снайпера типа «Леший», он же «Кикимора», занял позицию возле поваленной сосны. Кузьмич, нелепый в своей «березке», привалился к пеньку и жевал незажженную беломорину, стараясь таким образом утолить никотиновый голод. И при этом Данила чувствовал себя как на ладони, а вот проводник сливался с окружающей обстановкой по принципу «давно здесь сижу».

Тревожно. Сыро.

А ведь Кузьмич действительно здесь как дома – он проводит в Секторе больше времени, чем за Барьером. Матерый...

– Видишь «гнездо»? – спросил Кузьмич, вынимая папиросу изо рта и жадно приняв хиваясь к табаку.

– Вижу, – сказал Данила, разглядывая в бинокль наблюдательный пункт – «гнездо».

Больше всего «гнездо» напоминало детский домик на дереве. Косо-криво сколоченный из старых досок и кое-как замаскированный ветками, обросший мхом (до болота было рукой подать), наблюдательный пункт выглядел заброшенным, если не обращать внимания на деревянную лестницу, прислоненную к стволу.

Стоп. Движение. Там кто-то есть. Кто-то прячется...

Данила отполз за сосну, убрал бинокль, вытащил наскоро набросанную осведомителем Ротмистрова схему лагеря. Сверился с компасом. Ага, все верно. Триста метров до «гнезда», потом ров с водой – контрабандисты запрудили ручей, перенаправив воду вокруг лагеря. Дальше пустырь с пеньками срубленных деревьев, мерзкий такой пустырь – простреливается вдоль и поперек, и не заляжешь. Еще дальше – забор, по всей видимости из тех самых срубленных деревьев... Что было за ограждением, автор схемы представлял себе в самых общих чертах: «Бараки – 4 шт., вольер – 1 шт., склад прод. – 1 шт., склад оруж. – 1 шт.». За забор осведомитель проникнуть не смог и составлял план с чужих слов. Ну что ж, спасибо и на этом...

– Других подходов к лагерю нет? – спросил Данила.

– Нету, – буркнул Кузьмич и раздраженно скомкал папиросу в кулаке. – Болота кругом – какие, эти его, подходы? Тут они ходют. Всё увидел, капитан?

– Надо возвращаться, – сказал Данила, сверившись с часами. Свои «суунто» с баллистическим калькулятором он оставил дома – толку от электроники в Секторе было мало, пришлось надеть старые механические «командирские».

Данила закинул «винторез» за спину, поправил многочисленные ленты маскировочного костюма и неторопливо зашагал по своим следам обратно, к бойцам подразделения.

По долгу службы капитан Астрахан бывал в Секторе регулярно, даже имел бессрочный пропуск-«вездеход», и всякий раз ему было здесь не по себе. Особенно в одиночку. Но он ведь не проводник, как Кузьмич, его дело – следопытов, ловчих да перекупщиков задерживать, а эту братию легче и проще брать за Барьером, на сдаче товара. Захватывать же их в собственном логове, да еще живыми, да с приказом «никого не убивать» – спасибо, генерал-майор Ротмистров, удружил...

«Хотя какая разница?» – подумал капитан, шагая за Кузьмичом. В последнее время он все чаще с равнодушием относился к новым операциям. Это не нравилось ему самому, но сделать Данила ничего не мог. Командование, его приказы, армейская реальность служили источником все более сильного раздражения, которому в конце концов обязательно понадобится выход.

Не убивать так не убивать. Главное, чтобы бойцы не подвели...

Бойцы не подвели. Они вежливо разрешили командиру пройти через первую засаду (ее Данила сам здесь и обозначил), а потом он почувствовал, как к его кадыку приставили лезвие ножа.

– Здравия желаю, товарищ капитан, – прогудел на ухо знакомый голос – Нечипоренко.

– Развлекаетесь, прапорщик? – спросил Данила брюзгливо.

– Тренируемся, товарищ капитан, – бодро доложил Виталик Лазебный, контрактник третьего года службы, поднимаясь с земли в ворохе веток.

Данила прошел в полуметре от подчиненного, не заметив его в засаде. Молодец, заматерел пацан.

– Совмещаем, на, приятное с полезным, – сплюнул сквозь зубы третий боец, Паша Белов, чье уличное прошлое наложило неизгладимый отпечаток на манеру разговаривать. – Скучно, чё еще делать-то, на?

– Вам что Кузьмич сказал? – нахмурился Данила. – Сидеть тихо, поодиночке не ходить, по возможности вообще не отсвечивать. А вы устроили тут казаки-разбойники...

– Виноваты, товарищ капитан, – пробасил Нечипоренко. – Виновные будут строго наказаны.

– Приговорены к расстрелу, на! – тихонько заржал Белов.

Совсем распустились, балбесы. Хотя что тут сделаешь – спецназ. Эти строем ходить не будут.

Балбесы или нет, но троица работала с Данилой давно, и на каждого он мог положиться как на самого себя. А подурковать перед операцией – святое дело...

– Значит, так, – сказал Данила, стаскивая с себя «лешего». – Ситуация плохая. – Он опустился на одно колено, расстелил на земле схему. – К лагерю удобнее всего подходить с этой стороны, с других – болота, Кузьмич говорит, топкие. До лагеря где-то полкилометра. Метров двести все нормально, лес. Дальше склон, все просматривается. Пробираемся ползком. Часа полтора мы на это потратим. Потом «гнездо», там часовой, его надо будет снять по-тихому и без крови. Займешься, Белов. Но без трупов, понял?

– Понял, на...

– За «гнездом» небольшой ров с водой. В воду соваться не будем – хрен его знает, кто в ней живет. Поэтому с собой возьмем лестницу, по которой часовой в «гнездо» забирается, наведем переправу. Дальше пустырь. Метров сто придется пробежать. Забор берем с разбега, с помощью все той же лестницы.

– Ой, не нравится мне это, капитан... – проворчал Нечипоренко. – Бежать стометровку, да еще с лестницей... Положат нас там, как кроликов.

– Не положат, – отрезал Астрахан. – На нашей стороне фактор неожиданности, туман и темнота. Нападения они не ждут. Поэтому, если пройдем забор тихо, дальше шерстим лагерь, ищем вот этого типа.

Он выложил перед подчиненными фотографию Кострова. Лет сорок – сорок пять на вид, узкое лицо, пепельные волосы до плеч, аккуратная седеющая борода, печальные зеленые глаза – похож на рафинированного интеллигента, такого даже бить как-то неудобно. И что он в Секторе забыл? Сидеть бы ему над колбами в лаборатории.

– Шприц-тюбик с транквилизатором держать под рукой, тип нужен живым.

– Не люблю я эти шприцы, – поморщился Лазебный, потирая кулаком о ладонь. – Может, по старинке, а, капитан? Тюкнем нежно по затылку...

Астрахан скептически посмотрел на кулаки Лазебного – каждый был размером с голову Кострова.

– Отставить «нежно». Клиента усыплять шприцем. Если при нем будет охрана – можно и тюкнуть, но очень аккуратно. Эвакуация клиента – на тебе, Виталик. Прапорщик прикрывает отход. Задача ясна?

– Это-то понятно, – хмыкнул в усы Нечипоренко. – А что, если спялят нас? На пустыре или на частоколе? Валим всех, кроме бородатого?

– Если произойдет срыв операции, – тихо, но внушительно сказал Астрахан, – будем применять светозумовые гранаты и вести подавляющий огонь. Поверх голов. Таково распоряжение высшего руководства.

– Твою мать! – не сдержался Белов. – Они чё там, на, вообще шизанулись? Как это – поверх голов, на?

– Повторяю: такой приказ. Нам противостоит группа плохо вооруженных и необученных гражданских, промышляющих контрабандой биотина. Если они начнут пальбу, вполне вероятно, что заденут друг друга. Еще вопросы есть? – с нажимом спросил Данила.

– Так вот зачем мы эти пукалки с собой тащили... – прозрел Лазебный, покачав в своей ручище крошечный «хеклер-кох». – Вопросов больше не имею, товарищ капитан.

– Значит, заденут друг друга... – философски рассудил прапорщик Нечипоренко и погладил легкий пулемет «Миними».

Белов, как обычно, оказался последним, до кого дошло.

– А! – восхищенно шепнул он. – Понял, командир! Всё понял, не жирафа, на!

– Тогда у нас час на отдых, – закончил разговор Астрахан, машинально притрагиваясь к висящему на шее полотняному мешочку с сигналкой. – Будем ждать темноты.

* * *

Над болотом поднимался туман – ослепительно белый на фоне вечернего неба, затянутого пеленой. Сидя на пороге отцовского дома, Влада щелкала зажигалкой, пытаясь прикурить, и одновременно думала, что туман – это плохо. В тумане прячутся искажения, которые трудно почувствовать. Когда она только переселилась в Сектор, едва не погибла в темпоралке: дух блуждал то ли в прошлом, то ли в будущем, а к телу подбирались чупакабры. Благо, стоя состояла из трусливого молодняка, а рядом проходили охотники и спасли девушку, бредущую наугад. Да и с толка туман сбивает – как живой, подвижный и дышит. Если спрячется там что – не почувешь.

Налетел ветерок, дохнул тиной. Влада потрясла «зиппу» и сунула ее в карман камуфляжной куртки, нащупала там же китайскую зажигалку. Прикурила, закрывая огонек рукой, и сощурилась.

Заскучав, в вольере лаяли охотничьи псы, родезийские риджбеки – видимо, почуяли хамелеона. Влада взяла автомат, прислоненный к двери, дошла по настилу до ограды из бревен, открыла обзорное окно: лес, поскрипывают сосны, стонет то ли птица, то ли порождение Сектора. Сегодня на хамелеона не ходили – нестабильно, да и контейнеры со вчерашними железами еще не сплавляли – опасно, от «крота» из МАС поступили сведения, что готовится облава и лучше носа из поселка не высовывать. Сюда вряд ли рискнут послать людей – поди доберись. Если твари не сожрут или в искажение не вляпаешься – увязнешь в болоте, не зная троп. Хорошее место, надежное.

Девушка вернулась на порог, села. Перед закатом почему-то всегда звуки становятся отчетливыми. Отец с Циклопом еле слышно бормочут, в соседней хижине игроки щелкают костяшками домино.

Влада просто не могла отпустить в Сектор отца одного – он слишком увлекающийся и доверчивый, да к тому же боец никакой. Но вообще кисло тут живет; если по Сектору не бродить, с ума сойти можно. Поначалу она страдала от скуки и отбивалась от назойливых поклонников – на двенадцать мужиков всего три бабы, из них незамужняя только она, да еще молодая, симпатичная. Пришлось объяснять им по-мужски. Силу следопыты, охотники и проводники, населяющие лагерь, уважали, и вскоре признали в дочери Фиделя равную. Точнее, равного, даже Владиком ласково стали называть.

Докурив, она сунула сигарету в переполненную консервную банку, похожую на ежа из-за торчащих во все стороны бычков, и потянулась. Сегодня ее дежурство. Еще одно скучное дежурство и бессонная ночь. Спасибо хоть похолодало и комары не заедают.

Зазвонил колокольчик с той стороны ворот. Влада вскинула автомат, прислушалась: условленных четыре раза – значит, свои. Она кивнула высунувшемуся из хижины отцу и на цыпочках пошла открывать. Вернее, сначала посмотреть, кто пожаловал, а открывать потом – мало ли... Подошвы тихо постукивали по доскам – настилами была покрыта заболоченная земля почти по всему лагерю.

У ворот стоял, беспрестанно оглядываясь, Леший, дозорный из «гнезда». Лицо его покраснело – бежал от кого-то, что ли? Влада потянула за рычаг – щеколда заскрежетала,

щелкнула, и Леший просочился на территорию лагеря, едва меж створок появилась щель. Отстранив Владу, он зашагал по доскам, соединяющим все дома, к ее отцу.

– Фидель, велели передать. Срочно. – Дозорный достал из нагрудного кармана сложенную вдвое половину тетрадного листа. – Проводник один, Заноза, сказал, что встретил второго проводника, Кузьмича. – Леший шумно почесал в затылке. – Тот второй, который это написал, ведет сюда группу. Нарочно медленно ведет, чтобы товарищ его добежать до нас успел и передать. Вот Заноза и передал.

Влада покосилась на отца. Тот взглянул на листок непонимающе, развернул его и принялся читать. Седые брови взлетали и опускались, он делался все более озабоченным. С Фиделем Кастро отец не имел ничего общего, скорее напоминал Арамиса из «Трех мушкетеров».

– Господи! – пробормотал он и протянул записку Владе. – Что это значит? Нас на этот раз не то что не прикрыли – даже не предупредили!

Влада пробежала взглядом послание. Спотыкающимся почерком там было написано:

Диверсионная группа, состав – 4 чел., нападение планируется сегодня ночью. Цель – захват заложника. Применять оружие им запрещено. Будьте наготове. Ваш К.

Влада выругалась и скомкала листок. Отец покачал головой:

– Кажется, я понимаю, в чем дело. Это конец!

Из хижины вышел одноглазый Циклоп – высоченный амбал, правая половина лица обезображена ожоговыми шрамами. Он навис над Фиделем, веко на ослепшем глазу задержалось.

– Не конец, а один из этапов, – пробасил Циклоп. – Не забывайте: это Сектор, и достать нас не так-то просто.

– Вот именно – этап! Этапом до Твери!

– Папа, – проговорила Влада спокойно, – предупрежденный вооружен. Мы отобьем нападение, а потом что-нибудь придумаем.

Отец взглянул исподлобья и вздохнул:

– Опять место менять? Зря, изначально всё зря. Мы горстка неудачников...

– Папа!

– ...и вряд ли сможем что-то изменить, попадем меж гигантских шестеренок системы, она перемелет нас, как тараканов...

Приоткрыв рот, Циклоп смотрел единственным глазом то на Владу, то на Фиделя.

Когда на отца находила блажь, он становился чертовски убедительным, заражал энтузиазмом окружающих и они следовали за ним. Так и сюда пришли в надежде помочь тем, кто нуждался в биотине. Сколько детей удалось бы спасти, если дать им дозу биотина! Сколько смертей можно было бы избежать! Нет, теперь Россия скорее не на нефтяной игле, а на биотиновой. В страну поступают миллиарды, а кому стало жить легче? Разве что руководству МАС, тем, кто у кормушки.

Пока отец вещал, Влада похлопала по плечу часового и протянула Циклопу записку проводника:

– На нас ночью планируется нападение. Надо собирать людей и укреплять оборону. Сегодня ночью будет жарко, вряд ли удастся отоспаться. Их преимущество – это сработанная диверсионная группа, наше – мы предупреждены и нас больше.

Оставшийся без внимания отец замолчал, Влада продолжила:

– Циклоп, собирай людей у нас в хижине, только тихо. Па, ты иди в дом – и ослу ясно, кто их цель. – Она взглянула на дозорного: – Возвращайся на пост. Как там огневая точка? Патроны есть? В помощь кто-нибудь нужен?

Леший тряхнул кудлатой головой:

– Всё в норме.

– Тогда топай. Папа – в дом! – Приобняв за талию, Влада увлекла отца в хижину. – Идем, идем, ведь они за тобой сюда явились!

Во всем, что касалось безопасности и охоты, Фидель полагался на дочь. Когда он читал лекции в университете, она пропадала на тренировках. Пока он занимался наукой, дочь училась управлять своим телом и бить морды.

В комнате было сумеречно. Влада завела дизель-генератор – мигнув, вспыхнула лампочка – и уселась на грубую деревянную скамью, застеленную одеялом. Скрестив руки на груди, отец мерил шагами комнату. Замер, опершись о печь. В последнее время он сдал: поседел, исхудал, черные круги залегли под глазами, и виновато в том было не отсутствие человеческих условий, а информационный голод – ни книг тебе, ни Интернета, ни пытливых студентов, к которым он привык. Отец пожертвовал всем ради попытки изменить мир к лучшему.

Когда Циклоп привел мужское население фермы, Фидель уселся на скамью рядом с дочерью.

– Все в курсе, да? – уточнила она.

– А шо за гад вот это на нас прет?! – взревел мелкий жилистый Сморчок.

– Тихо! – Влада приложила палец к губам. – Говорить тихо. Они – профессионалы, потому логичнее было бы просто их перебить. Но еще лучше – взять пленного и выяснить, кто организовал операцию и что случилось с человеком, который нас крышует. Когда стемнеет, подходите к воротам, к тому времени я организую боевые посты и огневые точки. На их месте я напала бы на рассвете, когда самый крепкий сон и дозорный начинает клевать носом, но перестраховка не помешает. Всем всё ясно?

Ответом ей было молчание.

– Если честно, я сама не обдумывала подробности, так что с детальным планом ознакомлю вас ближе к делу. Всё, расходимся

Мужчины, обсуждая новости, направились к выходу. Десять спин. Циклоп и отец остались. Влада пыталась усидеть на месте, но не смогла и пошла делать обход. Циклоп захромал следом – опекал. Несмотря на габариты, он был не слишком хорошим защитником, потому что калека: правая нога плохо гнулась в колене, а рука – сплошной шрам – висела плетью и не поднималась выше груди.

Почерневшие от влаги доски скользили под подошвами и едва заметно поскрипывали. Влада сновала от дома к дому, прикидывая, где выгоднее сделать засаду. Возле обзорных окошек – однозначно, но где еще?.. Когда она проходила мимо вольера, пять рыжих псов породы риджбек заматались вдоль решетки. Собаки вряд ли помогут – они на хамелеонов натасканы, и неизвестно, накинутся ли на чужаков, – но даже если нет, противник может растеряться при появлении псов.

Со скрипом открылась дверь вольера, и риджбеки рванули на свободу. Зулус, охотничий пес Влады, повернул назад и ткнулся носом в ее живот. Девушка погладила его по короткой жесткой шерсти. Красивое животное – грациозное и грозное, в Африке с ними ходили на львов, по крайней мере так пишут. Зачем аборигенам львы, когда вокруг полно антилоп и зебр, Влада представляла слабо. С детства она питала слабость к крупным собакам, отец поддался уговорам и купил взрослую суку риджбека, Весту. Веста вскоре умерла, но успела дважды ощениться. Зулус из первого помета, бракованный, зато самый смысленный.

Убедившись, что у Влады появился охранник, Циклоп сказал:

– Я к Фиделю.

– Правильно, будь с ним, – согласилась Влада. Она потискала пса – тот закатил глаза, засопел и развесил брылы.

Дальше Зулус следовал за ней шаг в шаг – чуял недоброе. Стоило хозяйке встретиться с ним взглядом, пес тут же начинал махать хвостом, будто силился что-то сказать. А глаза – грустные-грустные, вполне человеческие, умные.

Смеркалось. Влада остановилась у ворот, Зулус сел у ее ног. Зарычали дизель-генераторы – зажегся свет в окнах. Ветряк с флегматичным гудением рассекал воздух стальными лопастями.

Начал собираться народ. В лагере, включая женщин и двух подростков, жили двадцать человек, сейчас – восемнадцать, большинство – следопыты и охотники, было несколько проводников, чувствительных к искажениям. Фидель привлекал людей разными способами: кто-то пошел за ним, вдохновленный его идеями (была у отца Влады харизма, была), некоторым неудачникам просто хотелось к кому-то прибиться, другие, подозревала Влада, прикарманивали часть добытых «сувениров» и тайно перепродавали их.

Ранним пташкам она определила места у маленьких сторожевых окошек в заборе – их было четыре, в полуметре от настила. И так, четыре огневые позиции есть.

– Ждать до последнего, – проинструктировала она. – Крик не поднимать. Нам надо подпустить их поближе. Открывать огонь, когда они будут уже у стен.

Распределив всех по боевым постам, Влада села у порога своей хижины и закурила. Ждать.

Зулус зевнул и уставился на своих младших братьев, с топотом носившихся по узкой деревянной улице. К своим двадцати пяти Влада познала предательство и потому ценила собак больше некоторых людей. Человек – тварь алчная и продажная, причем продает и предаст ради химер – шелестящих бумажек, реальная цена которым – ноль. Собака не предаст никогда.

* * *

Обычный человек работу спецназа знает по фильмам и книгам и в результате имеет весьма искаженное представление о том, как все происходит на самом деле. Нет, конечно, погони, перестрелки, взрывы и штурмы (и что там еще показывают в кино) тоже случаются, но им предшествует медленная, кропотливая подготовка. Сбор разведданных, аэрофотосъемка, анализ полученной информации, рекогносцировка, планирование...

Здесь на все это не было времени, и Данила вскарабкался на высокую ель, скрытый от глаз дозорного молодым леском. Отсюда лагерь просматривался сносно: дома до середины окон, земли не видно, но и фиг с ней. Балансируя, Данила достал бумажный лист и карандаш. Глянул в бинокль. И так, что имеется: трехметровый забор, за которым два длинных сруба, похожих на бараки, с несколькими входами. Бараки торцами подходят к забору. Прямо в середине поселения, ровно между бараками, – проход, упирающийся в добротный, отдельно стоящий дом. Справа от него – продолжение Г-образного барака, слева – еще один барак. Вероятнее всего, объект в доме по центру.

Словно по заказу, отворилась дверь и вышел он – Фидель Кастро. Тотчас рядом возник одноглазый здоровяк – видимо, сидел на крыльце.

Набросав схему, Данила попытался разглядеть, что за вторым рядом домов, но не смог. Скорее всего, там склады и забор пониже – над крышами он едва возвышался. Капитан нанес на карту склады и поставил на доме Фиделя жирный крест. Интересно, часовых на воротах сколько, один или двое?

На ели он просидел минут десять, за это время к Фиделю подошел еще один мужик, потом исчез. Объект вернулся в дом. Больше ничего интересного не происходило, и Данила осторожно спустился.

Когда он вернулся, уже смеркалось. Командира тотчас окружили бойцы. Расстелив схему и закулив, капитан проговорил:

– Прорываемся с тыла, в районе предположительно складов, там точно не будет дозорных. Вот в этой отдельно стоящей избе – объект. Я и Лазебный берем его, остальные занимаются часовыми. Уходим через основные ворота, Белов и Нечипоренко прикрывают. Расклад понятен?

Теперь надо дождаться темноты, не выдать себя и атаковать перед рассветом, когда сон валит с ног часовых. Часть рюкзаков с припасами решили оставить с Кузьмичом.

Ночь выдалась безлунная, звездная. Выступили, когда начала рассеиваться тьма и по лесу белыми струйками потек туман. Ползти по-пластунски в темноте, в «лешем», с оружием и боеприпасами – удовольствие ниже среднего.

Но прежде надо было попасть в «гнездо» и снять часового. Точнее, гнездового.

Они подползли к «гнезду» настолько близко, что даже шептаться было опасно. Объяснялись жестами.

«Ты, – ткнул Данила в Белова и показал вверх: – Туда. – Движение ребром ладони по шее, потом палец прижат к губам. – Снять, но тихо».

«Понял», – кивнул Белов.

«Ты и ты. – Данила по очереди показал на Лазебного и Нечипоренко, поднял сжатый кулак. – Ждать. – Двумя пальцами показал на глаза. – Смотреть в оба».

Два кивка в ответ. Отмашка Белову. Тот уже избавился от оружия и ловко, как обезьяна, начал карабкаться на дерево.

Тишина. Тишина. Тишина... «В нашем деле сколько ждешь – столько потом живешь в раю», – вспомнилась Даниле любимая присказка их начальника по боевой подготовке. Тишина... Глухой удар. Бряцание железа. Вот черт... Просил же – тихо! Классический ляп при снятии часового: ты его вырубаешь, а он роняет оружие. Хорошо хоть без случайного выстрела обошлось.

Белов высунулся из «гнезда», махнул Даниле – давай, мол, дело сделано.

Белов слез, перекатился, подобрал свой автомат и показал «окей». Астрахан выждал минуту – на всякий случай, но вроде обошлось. Шум никто не услышал. Тогда он, пригнувшись, подбежал к дереву с «гнездом» и указал на лестницу. Его поняли без слов. Можно двигаться дальше – опять ползком, медленно и печально.

Возле рва сняли с себя маскостюмы – все равно этим путем возвращаться, – остались в жилетках из кевлара, прикрытых легкими камуфляжными куртками.

Так, ров: в ширину метра два, сколько в глубину, лучше не думать. Перекинуть лестницу. От нее до поверхности воды – около метра. Пора наводить переправу. Лазебный без труда поднял лестницу, сколоченную из сосновых досок, перекинул через ров, проверил на прочность. По замшелому склону покатались комья земли, с тихим всхлипом упали в темно-серую воду.

Первым через ров Данила отправил Белова как самого легкого. Потом Нечипоренко перебросил Белову «миними» и рюкзак с патронами. Избавившись от лишнего груза, прапорщик осторожно заполз на лестницу, она прогнулась, но выдержала.

Данила дождался, пока Нечипоренко преодолит водную преграду, вернет себе оружие и займет позицию. Только после этого капитан пополз сам. Оставался Лазебный – сто килограммов мускулатуры, и это не считая оружия. Незаменимый при вышибании дверей боец в данном случае мог запросто завалить всю операцию, рухнув в воду вместе с обломками лестницы.

И черт с ним, с Лазебным – не сахарный, в воде не растает, а вот лестница... Без неё забор преодолеть будет непросто.

«Ну, здоровяк, давай. – Данила затаил дыхание. – Давай помаленьку...»

Лазебный справился. Он ведь в молодости штангистом был, а эта публика только выглядит грузной и неповоротливой. На самом деле телом они владеют не хуже гимнастов, и работать с собственным центром тяжести их учат в первую очередь. Вот и Лазебный какими-то неуловимо плавными движениями перетащил свою тушу на тот берег рва.

Медленная часть операции осталась позади, теперь быстрая...

Впереди простиралось метров пятьдесят просеки, усеянной пеньками срубленных деревьев. Из-за ограждения простреливался каждый квадратный метр. Тут ползи не ползи, а заметят как пить дать. И завалят. Поэтому лучше уж преодолеть открытое пространство как можно скорее. Изобразили мишень «Бегущие кабаны»...

Разбились по парам. Данила и Белов с лестницей встали впереди. Тяжеловесы Лазебный и Нечипоренко – за ними.

– На счет «три», – шепотом сказал Данила. – И раз... и два... и три!

Рывок вперед.

Вперед! Бегом!

Не останавливаться! Держать темп! И смотреть под ноги. Не дай бог споткнуться о пенек.

Есть. Добежали. До забора – рукой подать. Теперь тихонько, ползком... Впереди приглушенно гудели дизель-генераторы, басовито залаяла собака – Данила замер, прижав палец к губам, его люди тоже затихли. Продолжили путь, когда собака уgomонилась.

Под ногами хлюпала жижа – местность была заболоченной. Наконец достигли части забора, которая не просматривалась из «гнезда». Здесь Данила обнаружил еще одни ворота, даже не ворота – калитку. Судя по заросшей тропке, калиткой пользовались крайне редко. Капитан сделал четыре шага назад, они с Беловым прислонили лестницу к ограде и полезли первыми. Перемахнули через забор и распластались на поржавевшей жестяной крыше сарая.

Рядом с Данилой лег тяжело дышащий Нечипоренко, правее – Лазебный.

Данила на четвереньках подбежал к краю крыши и прыгнул одновременно с Беловым. И в этот момент раздался первый выстрел. Белов вскинул руки недоуменно, странно дернул головой и рухнул, как куль. Тут же грохнула еще пара выстрелов, пули с чмоканьем впились в бревна сарая в паре сантиметров от Астрахана.

Одновременно с выстрелами спустились Лазебный и Нечипоренко и бросились в стороны. Данила забился в пространство между двумя сараями, пытаясь вычислить, откуда стреляют. Палили из-под дома Фиделя, стоящего на сваях (вот как, оказывается!), из окна, а также из вольера с собаками, справа, слева... Кто-то строчил от калитки – укрылся за сараем неподалеку от Данилы

В другом конце деревни крикнули:

– Они прорвались! Быстрее к сараям!

Засада означает, что операция провалена и кто-то слил инфу местным.

– Прорыв! – скомандовал Данила и бросился вперед, к дому Фиделя, виляя из стороны в сторону.

Надо было прорваться в середину, чтобы контрабандисты начали валить друг друга. Бойцы вроде поняли. Капитан выстрелил несколько раз, перезарядил «винторез». Под ногами хлюпало. Данила присел под стеной очередного сарая, который тоже оказался на сваях. Пригибаясь, к нему подскочили Нечипоренко и Лазебный.

– Как Белов?! – прокричал Данила, пытаясь поймать хоть кого-то в прицел «винтореза».

– Мертв, – ответил Лазебный. – В шею, навывлет.

– Прапорщик, прикрой! – скомандовал капитан. – Проверю дверь сарая, вдруг кто внутри.

– Понял!

В них палили со всех сторон, не экономя патроны. Данила подскочил к двери, дернул – заперта, что и требовалось доказать. Он поднырнул под сарай, и бойцы присоединились к нему. Противники наконец перестали стрелять куда ни попадя и попытались разобраться, где, собственно, настоящие цели.

– Надо валить, капитан! – внес предложение Нечипоренко, меняя ленту в пулемете.

– Надо, – согласился Астрахан. – На крыши – и в лес, но сначала проверить центральный дом на сваях.

– Капитан, объект нам уже не взять!

– Попытаюсь, – упрямо мотнул головой Данила. – Прапорщик, огонь на подавление. Прикрывайте!

Застрочил пулемет, Данила заметил шевеление под сараем справа, прицелился, но тут в поле зрения выскочили собаки, и он скрипнул зубами. Всё этой ночью не в масть! Против такого козыря особо не поиграешь, свора натасканных доберманов или волкодавов стоит взвода спецназа – разумеется, в ближнем бою и на своей территории.

– Капитан, отходим! – заорал Лазебный.

А толку? Противник, которого принял Сектор, все равно выследит с собаками и догонит...

Он пальнул в сторону пулеметчика, выкатился из-под сарая и со всех ног бросился к крыльцу небольшого дома. Добежав, рванул дверь. Тоже заперто.

– Стоять! – рявкнул кто-то за спиной. – Оружие на землю!!!

Данила обернулся. Его держал на мушке бугай с покрытым шрамами лицом, тот самый, которого он уже видел. Одного глаза у бугая не было, что не мешало ему уверенно выцеливать врага из старенького, но надежного карабина «Вепрь».

– Стою, – сказал Данила, тяжело дыша.

– Оружие брось, велено! – заорал одноглазый, и в эту самую секунду Лазебный, выскочив из-за склада, снес ему полголовы короткой очередью.

Собаки с лаем приближались. Данила, быстро вскарабкавшись по боковой стене дома на крышу, встал на одно колено и принялся стрелять одиночными, быстро поворачивая ствол. Раздалось пыхтение, на крышу влез Лазебный и залег рядом, сразу открыв огонь. Внизу бешено заорал Нечипоренко, донесся звериный рык. Не успел! Лазебный вскочил было, но когда над самой головой просвистели пули, снова лег. Данила тоже упал на брюхо.

– Бегите, я их задержу! – прохрипел Нечипоренко.

– Уходим, – скомандовал Данила. – Вперед!

Они с Лазебным спрыгнули с крыши, пронеслись между сараями, выстрелами завалив двух бешено лаявших псов, залезли на тот сарай, что стоял возле ограды, и, с разбега перемахнув через забор, провалились в вязкую жижу по бедра.

Лазебный приземлился удачнее, помог Даниле выбраться из трясины. Оборачиваясь, кинулись прочь от лагеря. Вот спрыгнул Нечипоренко, пальнул для острстки и бросился бежать. Не успел Данила обрадоваться, что боевой товарищ жив, как тот, раскинув руки, упал ничком.

Презревая опасность, капитан рванул к Нечипоренко, Лазебный его прикрывал, стреляя наугад. Распластавшись рядом с телом Нечипоренко, Данила нащупал пульс на сонной артерии – прапорщик был мертв.

– Уходим через болото! Враги пустят собак, вода собьет их со следа. Быстро!

– В топь затянуть может! – Лазебный побежал за капитаном.

Залаяли собаки – так и есть, погоня. Астрахан обернулся, но в полутьме и тумане было не разобрать, открыта ли калитка. Они двигались вперед, в белесое марево, где могло прятаться что угодно. Без проводника – хана. Но лучше самим попытаться, чем рассчитывать на предателя.

– Твою мать! – взревел Лазебный, когда из-за холма к нему метнулась четвероногая тень и легко сшибла здорового спецназовца на землю.

«Хеклер» отлетел в сторону, а тень, оказавшаяся огромной рыжей псиной неизвестной Даниле породы, поставила лапы на грудь Лазебному и злобно ощерила клыки. Данила вскинул «винторез».

Осечка! Нет времени устранять. Перехватить автомат за ствол (раскаленный металл глушителя обжег ладони), размахнуться и врезать собаке по башке прикладом!

Есть! Псина, взвывая, отлетела в сторону. Теперь что там с осечкой?.. Ну да, типично: бракованный патрон. Передернуть затвор...

Собаку он добивать не стал: та даже встать не могла.

Данила поднял с земли Лазебного.

– Зулус! – закричали сзади женским голосом. – Зулус, взять!

Данила дважды выстрелил на голос, обежал собаку – преданный пес все-таки попытался укусить его, – и ломанулся, толкая в спину Лазебного, в сторону болота.

Под ногами зачавкала жидкая грязь. Над болотом занимался рассвет.

* * *

Влада не знала, будут ли враги атаковать с центрального входа, с тыла или с флангов, и разместила людей по всему периметру.

Главные ворота охраняли обитатели двух общежитий. Двое залегли в сырости под бревенчатыми домами, двое караулили в распахнутых окнах. Тыл прикрывали пятеро: один в вольере с собаками, второй в доме отца, третий под складом, четвертый на складе, внутри, пятый – около Г-образного общежития. Остальные прикрывали фланги.

Когда люди заняли огневые позиции, воцарилось молчание. Казалось, воздух от напряжения трещит электрическими разрядами. Чем больше проходило времени, тем угрюмее делались лица мужчин.

В безлунном небе переливались звезды, внизу тускло светились фонари, и трудно было понять, что происходит в темноте за периметром. Генератор ревел, заглушая звуки. Влада надеялась, что врагам ночью встретится голодный хренозавр или стая вырвиглоток.

Псы, нарезвившись, залегли спать в вольере, только Зулус остался охранять хозяйку. Время текло медленно, туман росой оседал на волосы. Чтобы они не отсырели, Влада надела камуфляжную кепку. Хотелось курить, из лесу тянуло сыростью и холодом.

По совету дочери, отец заперся в одном из домов, ничем не выделяющемся среди других. Большой сруб на сваях нападающие, скорее всего, сразу вычислят, а вот найти главу лагеря в одинаковых постройках будет тяжело. От помощи Циклопа отец отказался, и тот засел на соломе в сарае неподалеку.

Мокро, грязно, опасно. Сейчас Влада мечтала о накрахмаленных простынях, о своей маленькой квартирке, теплой, с горячей водой и туалетом. Мысленно раскручивала клубок событий: устроиться на нудную работу, по выходным валяться перед телевизором, иногда ходить на тренировки. Можно пойти инструктором, тогда не так скучно, но все равно тоска зеленая. Кому Влада там нужна? Ни подруг, ни родственников. Здесь же – отец, которому необходима ее помощь, люди, ставшие ее семьей. Всеми забытые, отвергнутые миром, они нашли тут пристанище и по-своему счастливы. Да и Сектор благосклонен к Владе, она слышит одним из самых удачливых проводников.

Нет, ее место здесь, и умрет она здесь, под пронзительно яркими звездами.

Ближе к утру, когда сон смыкает веки самых выносливых, ночь еще не закончилась, но линия горизонта уже посветлела, залаяли собаки и вздохом пронеслось по поселку: «Идут!» Влада мотнула головой, избавляясь ото сна, и на цыпочках побежала к главным воротам.

Отодвинув дозорного, глянула в щель обзорного окна: темнота, над кочками болота стелется туман.

– Никого нет, – шепнула она.

Дозорный показал жестами – ползут, мол, смотри. Влада закусил губу и напрягла глаза... ничего. Вдруг дернулся стебель камыша. Присмотрелась: так и есть, ползут! Она пустила к окошку дозорного, а сама залегла на полу дома, что напротив ворот, прицелилась в темноту. Кровь колотилась в висках, ладони взмокли: одно дело – гопникам задницу надрать, другое – воевать с профессионалами.

Штурм начался – застучал автомат. Кто-то вскрикнул, выматерился, крик утонул в грохоте выстрелов.

Зазвенел разбитый фонарь, и стало темнее. Влада, так никого и не увидев, забилась в щель между пристройкой общежития и забором, а когда высунулась, пули чиркнули о дерево над головой. Пришлось стрелять вслепую. В темноте трудно было разобрать, кто свой, кто чужой. Продуманная оборона лагеря превратилась в ничто, в кровавую мешанину.

Залаяли собаки, рванули из вольера. Взвизгнул подстреленный пес. Влада поспешила на лай, перепрыгнув через расprostертое тело, обогнула риджбеков, которые рвали кого-то из чужаков. Тот разбросал псов, перемахнул через забор. Кто-то с крыши выстрелил ему в спину. Остальные диверсанты сбежали. Влада распахнула калитку: так и есть, два черных силуэта ударили по болоту. Влада дала по ним очередь – мимо. Чтоб вас в трясину засосало, сволочи!

Зулус танцевал рядом, ожидая команду. Влада указала вперед и крикнула в запале:

– Убей!

Пес рванул за беглецами. Пули чиркнули о доски над головой – Влада инстинктивно пригнулась и только тут сообразила, что отправила верного друга на смерть. Взвизгнул Зулус и исчез из поля зрения, а беглецы растворились в тумане. Первый порыв был – бежать следом, расстрелять их, уничтожить, но Влада понимала, что скорее они убьют ее и что теперь на ее руках кровь не только товарищей, но и Зулуса.

Дрожащими пальцами она достала сигарету, прикурила и затянулась так глубоко, что закружилась голова. Выпустила дым, сразу затянулась опять.

Сквозь шум генераторов прорывалась ругань, голосила женщина. Валька? Юля? С сигаретой в зубах Влада пошла на крик: люди толпились у сарая, в сумерках не разобрать было, сколько их. Темные тела на полу. Только сейчас дошло: умерли те, кто стал родным, с кем она делила последний кусок хлеба. От погибшего оттащивали светловолосую Юльку; значит, это ее муж Коля, он же Никола – молодой, наивный идеалист, мечтавший о равенстве и братстве во всем мире... А рядом с его телом кто? Подойти страшно. Шаг, еще шаг. Кто-то большой, грузный...

Циклоп! Ноги подкосились – Влада упала на колени. Циклоп дружил с ее отцом и помнил Владу семилетней. Неуклюжий, немного доверчивый Вовка! Кто-то положил ладони на плечи – Влада дернулась, вскинула голову: отец. Живой и невредимый. Она встала, поджав губы, отряхнулась и заговорила:

– Мы должны их догнать. Казнить. Но сначала – допросить, чтобы понять, кто организовал эту операцию и чего ожидать в будущем. Потом я сама убью их! Берем оружие – и за мной.

– Чё, прям в болото? Да сгнули они уже, – пробормотали из толпы.

– Труссы остаются дома. Ну, кто со мной?! – Влада вскинула руку с автоматом.

Ее поддержали все.

– Разделимся и обойдем болото с двух сторон. Если они куда-то вляпались, снимите с них скальпы и принесите в поселок. Вперед!

Ярость клокотала в сердце и выплескивалась словами. Крушить, ломать, жечь! За Циклопа и Николу, за тысячи детей, которым родители не могут купить биотин. Конечно, лучше продать инъекцию молодящейся старухе и жирному старику-миллионеру: у них есть деньги!

У ворот Владу остановило возмущенное таяканье, она обернулась: пошатываясь на мощных ногах, стоял риджбек, еле-еле стоял, но пытался идти за хозяйкой и негодовал, что его не берут на охоту. Первая мысль была: «Живой!» Вторая: «Ранен!» Влада метнулась к нему, осмотрела – видимых повреждений нет – и обняла за шею:

– Извини, Зулус. На этот раз без тебя.

* * *

Группа Влады состояла из троих мужчин и двух собак. Шли молча, берцами собирая росу. Мох под ногами пружинил и подталкивал. Стояла такая тишина, что слышно было, как дышат собаки и с тихим всхлипом падают в воду листья берез.

Сектор. Тихий, осенний, обманчиво уютный. Капли дрожат на паутине. Пахнет грибами и древесной корой. Надо подавить ярость, она мешает чувствовать искажения. В команде все были проводниками – даже если что-то ускользнет от глаз, кто-нибудь обязательно почует аномальное образование Сектора...

Очередное безумие. Где гарантия, что отряд устоит против двух профессионалов? Да и собак жалко, постреляют их. Но во-первых, наемников нельзя отпускать, во-вторых, нужно выпытать, кто им дал задание и какое именно, и в-третьих, в Секторе профессионалы превращаются в беспомощных щенков.

– Ищи! – скомандовала Влада, указав на отчетливый след.

Собаки опустили головы и бодрой рысью рванули вперед, Влада – за ними, но тут бегущий впереди Барон попятился, поджав хвост. Юна тоже остановилась, заскулила. Влада, насторожившись, подошла к ним, потерев хвост.

– Паранойка, – констатировал Свен, брат погибшего Николы. – Вот же елы-палы! Они прям туда вляпались. Скорее всего, хана им.

Влада обернулась: Свен тряхнул головой, откинув пряди светлых волос, и поджал губы, желваки проступили на щеках, скулы заострились. Свен и Никола были, можно сказать, местными. Когда возник Сектор, они жили в Дмитрове, где до сих пор чертовщина творится. Отец подростков исчез, мать во время катастрофы вмуровало в стену так, что они сами не смогли ее вытащить и отправились за помощью. До патруля дошли, никуда не вляпались, потому что Свена Сектор принял, подарил ему чутье. По пути мальчишек встретили военные и посадили в карантин, а все люди Дмитрова, которых постигла участь матери Свена и Николы, погибли, как и те, кто пришел им на помощь. Мальчиков определили в детдом. Сироты без проблем поступили в медицинский, но не доучились и, никому не нужные во внешнем мире, вернулись в Сектор. Теперь у Свена не осталось никого...

На востоке горизонт наливался розовым, еще минут десять – и брызнет солнце, заиграет в каплях росы. Мирный пейзаж, ничего зловещего, но если попасть в искажение под названием «паранойка», рассудок туманится и человеку кажется, что его жизнь под угрозой. Труссы начинают убегать и прятаться, смельчаки – нападать и убивать товарищей.

Влада прислушалась к чувствам: тревога, страх, будто враг где-то рядом... Вот так и срабатывает чутье проводника, искажения начинают ощущаться на расстоянии. Но для этого нужно настроиться, освободиться от лишних чувств, чего Влады сейчас никак не удавалось.

– Обходим, – сказала она.

Собаки растеряли задор, косились в сторону невидимого искажения – оно и в самом деле никак не выглядело, у него просто не было внешнего вида – и вздрагивали от каждого звука. Когда Влада только осваивала умение проводника, все искажения она чувствовала

одинаково: здесь что-то чужеродное, опасное, и всё. Вот и риджбеки, которые не боятся ни зверя, ни порождений Сектора, сейчас трюсят. Кошки же в Секторе вообще с ума сходят. Валька, жена Кабанчика, привезла с собой кошечку. Та орала, пока ехали по Сектору, потом забилась под кровать и там продолжала вопить. Заткнулась, только когда охрипла. Не ела, не пила, гадила под себя, да так и околела. Наверное, она видела то, что скрыто от человеческих глаз, и это ее убило.

Влада целеустремленно шагала вперед, раздвигая ветви низкорослых, худосочных березок, и старалась сосредоточиться, очистить разум от постороннего. Собаки труси́ли по обе стороны – знали, кто их кормит и кого нужно защищать в первую очередь. Позади пыхтели мужики.

– Стойте! – прошептал Свен, почесав щеку, поросшую рыжеватой щетиной, и указал под ноги.

Влада сощурилась: след, еще один. Расстояние между отпечатками ступней большое – мужчина бежал, и ноги его подворачивались. Вроде бежал один, а может, и нет, тут мох повсюду, не видно ни черта.

– Ищи! – скомандовала Влада.

Барон и Юна ткнулись носами в мох, вытянули хвосты и рванули на восток. «Не уйдете, уроды», – с мрачной уверенностью подумала Влада.

Глава 3

Сектор. Тверская область, болота

Над болотом плыл туман. Виталик Лазебный снова споткнулся и упал, Данила рывком поднял его – тяжеленный, штангист! Оба запыхались, воздух был настолько сырой, что казалось, водой дышишь. Мох пружинил под ногами, когда они бежали, почва прогибалась и дрожала, тряслись деревца – осины, березы и сосны, низкие, максимум в рост Лазебного.

Серело небо, уже не видно было звезд, а болото все не кончалось. Данила вспомнил про искажение под названием «бродила» – человек, попавший в него, ходит кругами, сам того не замечая, может часами топтаться на одном месте.

– Не утонем, капитан? – хрипло, с присвистом, спросил Виталик.

– Нет. Это клюквенное болото, под нами метры мха.

– Надо же, – вяло удивился Лазебный. – Никогда не видел, как клюква растет. Думал, она кустами. Развесистая...

– Замолкни. – Данила остановился, огляделся. Вон впереди стена леса, настоящего, не карликового. Значит, твердая почва. Вообще болото – это хорошо, собаки не возьмут след.

Виталик, отдыхая, опустил на корточки.

– Смотри, капитан, подберезовики!

Уже достаточно рассвело, чтобы Данила увидел толстоногие грибы с маленькой темной шляпкой, на которые указывал Виталик. Городской житель, Данила дикую природу не ценил и не любил. Хватило ему нехоженого Памира, Кавказа хватило на всю жизнь.

– Заткнись, – повторил он. Достал карту и, подсветив ее фонариком, сверился с компасом. До Твери не так далеко, если он правильно понимает, где находится. Так. Теперь в лес и прямо, прямо, прямо, а главное – быстро. Задание провалено, его люди мертвы. Ох, припомнит Астрахан генерал-майору Ротмистрову надежного проводника Глеба Кузьмина! Ох и припомнит! А если еще одна операция в этом районе будет, спецом пойдет в лагерь контрабандистов – мстить.

Три года с этими мужиками работал. Матери Белова, конечно, сообщит начальство, но соболезнования выразать поедет командир группы – капитан Астрахан. И посмотреть Пашкиным родителям в лицо придется ему. Данила знал, что прочтет во взглядах: «Почему не уберег? Почему не ты, а Пашка наш?»

О родне Нечипоренко – жене и двух мальчишках – Данила мысль отогнал.

«Да, мы – специальное подразделение МАС. Да, мы рискуем жизнью каждый день. Но мы не на войне, и наши близкие не ждут, что мы погибнем и даже хоронить будет нечего».

Хотя отцу Данилы, профессору Тарасу Петровичу Астрахану, плевать на сына. Сгинет, не сгинет... Когда Данила служил под начальством Алана Мансурова на Памире, отца это не волновало. Сейчас – тем более. Работа Данилы в МАС – только повод припомнить, кто его сюда устроил после скандального увольнения из армии.

– Капитан... – напомнил о себе Виталик.

– Вперед, быстро. – Данила указал направление.

У них еще достаточно было патронов, хватало гранат, но оба вымотались, и он понимал, что от вероятных преследователей не отбиться. Ну никак не отбиться. Остается надеяться на свою удачу, на нюх свой.

Нехорошее предчувствие кольнуло, когда сигналка на шее, защищающая от Всплеска, сделалась холодной. Опасность? Данила даже оглянулся, но ничего подозрительного не увидел – и отпустило. Мирный пейзаж, кочки моховые, скрывающие грибы и зреющую клюкву, низкорослые деревца, такой близкий просыпающийся лес, осенний, молчаливый...

Стой! За тобой погоня! Лазебный... он вообще друг, а? Уверен в этом? А может, предатель? Как Кузьмич?

Данила замер, уставился на Виталия. А ведь действительно. Лазебный – старый товарищ, но что Данила знает о его мотивах? О причинах его поступков?

Лазебный в ответ вытаращился на капитана, разинув рот.

Здоровенный бугай. В рукопашном бою Данила, может, выстоял бы... а может, и нет. Виталий – тренированный, реакция у него хорошая.

Они смотрели друг на друга.

Из-за тебя, капитан Данила Астрахан, погибли друзья Лазебного. Сам знаешь: подчиненные всегда дружат между собой против командира. Ты, офицер, не спас ни прапорщика, ни Пашку. Виталик тебя ненавидит. Он сейчас тебя убьет!

У Виталия мелко задрожала челюсть. Даниле скрутило желудок. Паника усиливалась... Сейчас Лазебный попытается напасть.

Губы Данилы сами собой скривились в презрительной и хищной усмешке.

Если на тебя собираются напасть – атакуй первым. Если тебя ударили – убей. На зло можно отвечать только бóльшим злом.

И при этом он чувствовал растерянность и подступающую панику. Что-то не то! Происходило что-то неправильное, но что – не понять. Он потянулся за пистолетом, аккуратно, стараясь не выдать себя.

Атакуй первым. Убей врага. Убей друга, друзья могут причинить куда больше зла. Убей. Убей – и спасайся бегством, в лес, под защиту деревьев, кругом враги!

Но Данила медлил. И Виталий тоже.

– Капитан, – прошептал он, широко раскрыв глаза, – капитан, слышишь? Капитан!

Данила позволил себе прислушаться. Вопит болотная птица. Очень неприятно вопит, тоскливо и тревожно...

– Капитан! – Голос Виталия стал тонким, мальчишеским. – Капитан, что это?! Какого хрена?.. Капитан!!!

Пистолет в руке. Теперь главное – скорость реакции. Лазебный моложе, Данила – опытнее. У кого преимущество? Правильно, у того, кто нападет первым. Не говорить, не отвлекаться... Никогда не разговаривай, бей сразу, при первом признаке агрессии. Лучше вмазать и потом привести человека в чувство, чем сдохнуть. Дистанция, отвлекающие маневры... просто бей. Вооружен противник или нет, готов он к бою или просто пьян и нарывается – бей. Или стреляй. В своего боевого товарища, в Виталика Лазебного, неплохого парня, как на беду, переметнувшегося в стан врага...

Да какого, к черту, врага?!

Он – враг. Все кругом – враги. Погоня близко. Искажения – прямо под ногами. Твари Сектора ждут первого луча рассвета, чтобы наброситься на тебя. Они тебя сожрут, мир враждебен. Убей его – и спасайся. Ты сможешь. Ты – сильный и осторожный.

Данила медлил, проклиная себя за каждый миг промедления. Виталий, кажется, не замечал его намерений. Он шагнул к Даниле, и тот непроизвольно отступил. Виталий выше, у него длиннее руки и ноги, он дотянется, и если уж Данила почему-то не может выстрелить, единственный шанс – поднырнуть, захватить, сделать подсечку. Враг упадет в мох – оседлать его, не дать схватить себя, придушить...

– Капитан! Поздно, они здесь!

Кто?! Данила выхватил пистолет.

Виталий сунул руку под бронежилет. Данила отпрыгнул, прицелился...

Ночь отступила под натиском рассвета. Заорала еще громче болотная птица.

Кругом враги! Они уже рядом, ты просто не видишь их. Человек беспомощен перед Сектором, здесь опасность скрыта, здесь каждый лист, каждая кочка таят угрозу...

Фонтаном ударила кровь. Данила раньше не видел такого. Она плеснулась вверх, вниз и в стороны из-под бронежилета... Данилу оглушило, он перестал слышать и понимать, что происходит. Горячие брызги попали на лицо. Он отшатнулся, выставив вперед руку с пистолетом. Но стрелять не стал. *Враги* могли услышать.

Пошатнувшись, контрактник третьего года службы Виталий Лазебный завалился на спину.

Вдалеке залаяли собаки. Данила, забыв, что нужно дышать, побежал. Он несся вперед огромными прыжками, и мысли метались в голове.

От чего умер Лазебный? Искажение? Или он, Данила, сделал что-то?! Но он же ничего не делал!.. Или делал – но не понимал? Или Лазебный сам подорвал себя?.. И кто теперь преследует его? Куда бежать, где скрыться от беспощадного, полного врагов мира?

Данила не слышал ничего, кроме стука крови в ушах. Он не разбирал, куда бежит, только прыгали вверх-вниз деревья настоящего, большого леса да пружинил мох под ногами, и казалось, что гонке этой, дикой охоте на Данилу Астрахана, не будет конца.

Какое-то смахивающее на обезьяну существо метра полтора ростом выпрыгнуло на него из зарослей и заклокотало глухо. Данила выстрелил на бегу, целясь в голову, – башка твари разлетелась ошметками.

Он перепрыгнул через труп и, пригнувшись, нырнул под елки.

Кочки высокие, крутые. Ветви цепляются за капюшон, за рукава. Ноги скользят на мокром от росы мху.

Данила наступил на гриб, грохнулся, съехал в низину, едва успев защитить лицо. Остро запахло осенним лесом, он перевернулся, на четвереньках побежал по оставленному ручьем извилистому следу между холмами.

Сочно хрустели раздавленные свинушки и сыроежки. Во рту стоял привкус крови. Мешало оружие, но Данила ни за что не расстался бы с ним – враги были кругом, враги ждали вон там и вон там тоже. Он в последний миг заметил круг будто вытоптанной кислицы и мутное дрожание воздуха над ним – верный признак гравицапы, искажения, которое расплющивает неосторожных в лепешку.

Выбрела навстречу очередная тварь, сонная, медлительная, размером с некрупную собаку. По пятнистой шкуре Данила опознал чупакабру – читал в кратком справочнике. Встав на одно колено, он выстрелил, и тварь мигом сдохла.

Дальше, дальше, дальше! Быстрее! Главное – выбраться! В Тверь, к людям.

А не ты ли сам убил Виталика? Может быть, ты убил и остальных? Тогда тебя ждут муки совести, менты и зона – реальная зона, с бараками и зэками. Если ты не сдохнешь раньше!

Вскочив, он побежал, прикрывая лицо от ветвей, и даже деревья пытались схватить, удержать, удушить его, паутина залепляла глаза, солнце слепило, блестела роса, ноги разъезжались.

А не ты ли сам убил их всех?

Залаяли собаки – совсем близко. Выбившись из сил, Данила остановился. Его шатало, кидало из стороны в сторону. Дыхание сбилось, горло драло холодным утренним воздухом, пот заливал глаза, и кололо в боку.

Враг близко.

Данила поднял перед собой пистолет. Ничего, он успеет выстрелить, обязательно успеет!

А не ты ли убил их всех? Провалил задание и убил своих товарищей? Выход есть. Выход рядом. И уже не будет страшно.

Рассмеявшись безумным смехом, Данила опустился на колени. Силы оставляли его, но должно же их хватить на один-единственный выстрел, всего на один.

Часто и прерывисто дыша, капитан Астрахан зажмурился, сунул ствол в рот, языком ощутил кислый холод металла. Вот и всё.

Собака зашлась хриплым лаем, почуяв дичь. Женщина крикнула:

– Вот он!

Данила попытался выстрелить. Палец, слабый, будто чужой, не слушался. Он старался изо всех сил, он даже открыл глаза, чтобы видеть лица врагов, оскаленную морду рыжего пса, перекошенный рот женщины.

А потом стало темно, и Сектор исчез.

* * *

В лесу что-то глухо ухнуло, как граната взорвалась. Влада встрепелась и замерла. На нее налетел Гриф; отшатнулся, виновато закрутил гладкой, как яйцо, головой на тонкой шее, нервно повел плечами.

Грохнуло рядом, сразу за паранойкой. Поубивали они там друг друга, что ли? Или один замочил второго? Искажение, как назло, имело приличный радиус. С некоторыми искажениями так бывает: энергетическое ядро – несколько десятков сантиметров, не больше, а пространство, накрытое его действием, может быть метров до пятисот. Обходить пришлось по болоту, Влада шагала впереди всех, прощупывая палкой почву, чтобы в трясины не затянуло. Бурая жижа хлюпала под ногами, просачивалась сквозь шнуровку берцов. Позади тихо переговаривались:

– Так и знал, что новый командующий армейскими патрулями, которые в Твери, самовольничать начнет, чтобы выслужиться, – сказал Свен и сплюнул. Глаза у него ввалились и покраснели, нос заострился. Такие лица бывают у тех, кто при смерти. Из сильного мужчины будто разом выпили жизнь.

– А то! – отозвался Гриф.

Когда Фидель только перебрался в Сектор, а Влада открыла благотворительный фонд, Гриф умирал от острого лейкоза. Тогда его звали Александром Никоновым, он был единственным сыном преподавательницы английского. Она была давней знакомой Фиделя, так что Саше первому достался благотворительный курс лечения. Парень выздоровел, а волосы, выпавшие от химиотерапии, так и не выросли. Зато Сектор поселился в Грифе и привел его в лагерь Фиделя. Из «дееспособного» населения он был самым молодым.

Влада надеялась, что Свен прав. Тогда все просто: отцу следует передать весточку человеку в МАС, который крышует лагерь Фиделя, и самодура быстро поставят на место. Но интуиция подсказывала, что не все так просто и радужно.

Когда болото закончилось, собаки вопросительно уставились на Владу, она указала вперед и побежала. Автомат бил по спине, подгоняя.

Юна и Барон, исчезнув в пролеске, залаяли. Неужели догнали? Влада зажмурилась, ожидая грохота выстрелов и визга, но нет, собаки смолкли и наступила тишина. Подбежав ближе, девушка слышала чавканье и уханье, в нос шибанул слабый сероводородный дух.

– Вырвиглотки! – проговорил Свен, прищурив льдистые глаза. – Что делать? Отступаем? Я против.

Вырвиглотки – небольшие твари, что-то среднее между крысой и лисицей, и в отличие от остальных порождений Сектора даже симпатичные. Они всегда нападают стаями. Если стая большая, спасти могут лишь огнемёт и граната, брошенная вовремя, потому что, почуяв кровь, вырвиглотки звереют и атакуют с яростью берсерка.

Влада перешла на шаг и, отстегнув от пояса гранату, крикнула:

– Барон, Юна, ко мне!

Облаяв напоследок вырвиглоток, собаки вернулись. Странно, что твари на них не напали. Наверное, у вырвиглоток есть чем поживиться. Уж не врагов ли терзают?

Вырвиглотки были заняты: гукая, они облепили труп и жрали, чавкая, хрустели перегрызаемыми костями. Труп лежал на спине, носки берцов смотрели в разные стороны. Судя по разбрызганной вокруг кровище и ошметкам плоти, в него выстрелили из РПГ.

– Ложись! – скомандовала Влада, метнула гранату и упала в мох, заткнув уши.

Громыкнуло. Отряхнувшись, она встала – вырвиглоток разметало по поляне, три посеченные осколками твари уползали в кусты, а труп... Комок тошноты подступил к горлу, и Влада отвернулась, но обглоданное лицо с торчащими скуловыми костями стояло перед глазами.

– Ох ты ж... – пробормотал Сухов, бывший полицейский, присаживаясь возле трупа на корточках.

Никто не знал, сколько лет Сухову. Худой, с бритым черепом, обтянутым землистой кожей, со впалыми щеками и глубоко посаженными глазками, он мог сойти и за пятидесятилетнего, но сам Сухов утверждал, что ему двадцать два. Влада в этом очень сомневалась. Сухов прибил к лагерю Фиделя случайно, его нашли умирающим в лесу и вывели. Выяснилось, что он – бывший сотрудник УБОП. Влада полагала, что во внешнем мире он перешел дорогу влиятельным людям и подался в Сектор, куда они не дотянутся. Сухов был лучшим стрелком в лагере, а вот в рукопашном бою Влада его превосходила.

– Эх его... – добавил он.

– Из РПГ стреляли? – спросила Влада. Подходить к трупу не было никакого желания, да и мужики стояли в сторонке и безразлично морщились.

– Да не! – Сухов равнодушно перевернул труп. – Как будто изнутри разорвало, никто в него не стрелял.

– Наверное, словил паранойку и взорвал гранату под кевларом, – предположил Свен.

– Труп теплый? – спросила Влада.

– Да, свеженький.

– Значит, его напарник далеко не ушел – за ним! – Влада пнула трупик вырвиглотки и прокричала: – Барон, Юна, искать!

Следы второго бойца обнаружили неподалеку, и уводили они в лес. Если до воды доберется, собаки могут потерять след; с другой стороны, если он поспешит к болоту, то наверняка вляпается в искажение тлен, состарится мигом и подохнет. Это было бы хорошо, но хотелось врага допросить.

Собаки, исчезнувшие в пролеске, залились лаем. Влада ускорила бег, выскочила на опушку и не сразу поняла, что происходит: риджбеки облаивали какую-то торчащую из земли толстую корягу. Присмотревшись, Влада поняла, что это спецназовец. Весь заляпанный кровью и грязью, с ошметками плоти, прилипшими к волосам, он стоял на коленях и пытался застрелиться.

– Вот! – крикнула Влада, рванулась вперед и долбанула его прикладом в висок.

Спец булькнул, закатил глаза и рухнул в траву, к ее ногам. Собаки бродили вокруг него и тыкались носами в тело.

– Живой? – спросил подоспевший Свен. На заострившемся лице – ни тени эмоций, даже одышка его не мучила, словно он робот, а не человек.

Сухов проверил пульс на шее врага, кивнул – живехонький – и принялся его обыскивать, комментируя:

– Хорошо прикинутый. Что у нас тут? Гранаты. «Винторез»! О, как повезло, нож «СОГ-Пентагон»... Очень дорогой, себе его оставляю, вы не против?

Влада отодвинула мародерствующего Сухова, повторно обыскала наемника (ничего ценного) и спросила:

– Наручники есть у кого-нибудь?

Мужики помотали головами. Хреново, придется связывать. Этим делом занялся Свен – выкрутил руки пленника за спину, стянул кисти веревкой.

– Ноги вязать? Тащить по болоту замахаемся.

– Не надо. – Влада пинком перевернула тело: молодой еще, шрам от скулы до виска, жесткая линия губ, острый подбородок. Симпатичный, хотя хищник хищником. Влада сплюнула под ноги. Тварь! Возможно, именно этот «симпатичный» убил Циклопа. Он пришел убивать и потому не дождется снисхождения, и смазливая рожа ему не поможет! – В чувство его привести бы, чтоб сам топал.

Свен проговорил, опершись на карабин:

– Как? Он же не сам в обморок упал, а ты его отоварила. Не по щекам же теперь хлопать. Вообще подохнуть может, а зачем нам труп? Я бы с ним живым... побеседовал.

– Невелика потеря, – буркнула Влада и села на корточки рядом с телом. – Хотя нет, велика. Допросить его надо!

И что с ним теперь делать? Она потеряла спецназовцу уши, под носом надавила – видела в фильме, что так приводят в чувство. Нет эффекта, валяется бревном. Перестаралась.

– Может, контрольный в голову? – предложил Сухов, поигрывая ножом. – Или лезвием по горлу, чтоб пулю не тратить на гада.

Видимо, в пленнике Сухов видел тех, кто выжил его из Москвы. Он единственный страдал в лагере. Улыбался, конечно, шутил, но иногда забывал притворяться. Заглянешь в его глаза – а там такая тоска...

– Нет, надо его допросить. Ждем десять минут и волочем по очереди. – Не выдержав укоризненных взглядов, Влада всплеснула руками: – Да что вы пялитесь? Его надо допросить! Потом хоть режьте его, хоть бейте, хоть в болоте топите!

В указанный срок пленник так и не очнулся.

– Чё делать будем? – поинтересовался Свен.

– Контрольный в голову! – со злобой повторил Сухов. – И по горлу лезвием!

Горестно вздохнув, Влада взглянула на молчаливого Грифа:

– Поможешь тащить?

Парень кивнул:

– Лучше волокушу сделать из моей куртки, она удобная, я ведь длинный.

Пока решали, как поступить, пленник застонал. Влада направила на него автомат. Веки спеца задрожали, он открыл глаза и сощурился. Вскоре сфокусировал взгляд, увидел ствол и разинул рот. По его лицу пронесся вихрь эмоций: негодование, злость, страх, удивление...

– Очухался, гнида! – прошипела Влада с ненавистью, вспомнив Циклопа.

Со стоном пленник дернулся, понял, что связан, и пробормотал:

– Голова... Контузия. – Вдруг он вытаращился на березки. – Где я? Что со мной? Кто вы такие? Девушка, вы же не чурки, почему я связан? Где моя рота?

– Не надо косить под дурачка, – сказала Влада.

Пленник подвигал связанными руками, снова устался на деревья, мотнул головой, скривился от боли и прохрипел:

– Кто вы такие? Что я тут делаю? Я помню, как мы поджидали караван с героином в ущелье, но нас сдали, и они напали первыми. Граната... Почему я здесь?

– Не спускайте с него глаз, – велела Влада. – Смотрите, чтоб не развязался, и держите оружие подальше. Это хитрая и опасная тварь, натасканная на убийство, ясно?

Спец сидел сторбившись и прямо в душу смотрел честными глазами побитого пса. Хитрожолая сволочь! Это ж надо так играть! Талант погибает... Талантище! Накатила ярость, Влада сделала к нему два шага и точно, без замаха, ударила кулаком в нос – голова

спеца дернулась, откидываясь вверх и влево. Из разбитого носа пошла кровь, закапала на броник.

– Это за что? – прогнусил он. – Что я сделал? Почему я здесь, а не в горах?

Влада наклонилась над ним и прошипела:

– Ты еще спрашиваешь, гнида? Это я должна спрашивать! Кто, сука, тебя нанял?!

– Я не понимаю! Девушка! Если я что-то сделал, то не могу объяснить...

Влада рассмеялась – отчаянно и зло. Вскинула автомат и направила пленнику в живот:

– Класс! Он не может объяснить! И как убивал, не помнишь? И кто твой заказчик?

– Кого убивал? – Взгляд пленника перескакивал с лица на лицо, в голосе было отчаяние. – Какой заказчик? Что происходит? Если я в заложниках, то за меня заплатит государство...

Подошел Гриф, шепнул Владе на ухо:

– Похоже, ему память отшибло, как в кино.

И правда – как в кино. Сколько раз Влада получала по голове, сколько нокаутировала соперников (правда, не прикладом по башке) – ни у кого ни разу не отшибало память, потому она была убеждена: пленник притворяется, чтобы не сдавать заказчика и отсрочить свою гибель. Он же не идиот и понимает, что, когда назовет все имена, получит в лучшем случае пулю в лоб, а в худшем... Потому надо убедить его, что быстрая смерть предпочтительнее медленной.

– Сначала я прострелю тебе коленную чашечку... Нет, – Влада прицелилась спецой между ног. – Сначала – выстрел туда.

Пленник дернулся и инстинктивно пополз от ствола – испугался. Влада продолжала:

– А так я застрелю тебя быстро, обещаю. Ну, так кто твой заказчик?

– Расскажи хоть, что я сделал, – проговорил пленник обреченно.

– Мама на ночь сказки пусть рассказывает, – огрызнулась Влада.

– Это похоже на бред, но я правда не помню, что было. Я – Данила Астрахан, командир диверсионного отряда...

– Продолжай!

– Но больше ничего не помню!

Свен, стоявший чуть поодаль, заметил:

– Они почти всегда вспоминают прошлое, и происходит это быстро. Как бывший врач, я ставлю диагноз – сотрясение, возможно ушиб мозга. Ретроградная амнезия – частое явление, у тебя ж, Владик, рука тяжелая. К тому же паранойка могла повлиять.

– Всё расскажет. – Влада снова прицелилась спецой между ног.

Нужно быть сильной и идти до конца. Палец придавил спусковой крючок. Влада вспомнила Николу, Циклопа, воющую Юльку, Зулуса... Вспомнила, как они жили одной семьей и всем было хорошо, а потом пришли эти люди и всё разрушили.

– Я считаю до трех. Раз... два...

Дилемму «стрелять или не стрелять» разрешил Сухов:

– Ну, сестра, так он точно ничего тебе не скажет.

– От болевого шока загнется, – поддержал Свен.

Молчаливый Гриф был с ними солидарен и басовито угукнул. Они отошли немного в сторону, Влада выглядывала из-за плеча Сухова, чтобы пленник не сбежал под шумок, но тот сидел, как поленом прибитый. Слово взял Свен. Если бы взгляды убивали, пленник уже рассеялся бы на атомы от его ненависти.

– По правде сказать, я тоже не верю этим рассказам. Я знаю, как человеку сделать по-настоящему больно, и он при этом будет в сознании. Оставьте нас на часок вдвоем – как миленький расколется. – В голосе Свена звенел металл. – Он узнает, что такое ад на земле. Хоть так за брата отомщу.

Влада криво усмехнулась:

– Да-а-а, вы, мужики, даже котов не даете кастрировать, солидарность у вас. Тьфу! Если бы я не знала вас так хорошо, подумала бы, что вы с ним заодно. Ну ладно, вот он перед тобой, сделай ему больно!

Разминая суставы, Свен вразвалку подошел к пленнику и плотоядно улыбнулся. И лишь теперь ожил, оттаял. В его льдистых глазах запылал огонь.

Да, этот щадить не станет. Влада призналась самой себе, что не смогла бы нажать на спусковой крючок, а если пересилила бы себя, то радости ей это точно не принесло бы. Что поделаешь – баба, слабая, как ни расти из себя бойца.

В руке Свена блеснул нож. Сгорая от нетерпения, он поднес клинок к глазу пленника и оскалился. Жертва смотрела возмущенно.

А если и правда спец не помнит себя? Каково это – очнуться непонятно где, в лапах садистов? Вдруг он на самом деле думает, что мочил моджахедов в горах? А тут открыл глаза – и его свои собираются валить...

Отставить сопли!

– Не-е, – вздохнул Свен. – Не успею, в этом деле время нужно, чтобы он вспомнил даже то, чего не знал, а здесь только начнешь потрошить – твари сбегутся. Давайте его в лагерь заберем. Тут, в общем, недалеко. Только рожу бы ему умыть, чтобы кровь всякую дрянь не привлекала. А там повешу его в сарае... дело пойдет!

– Хорошо, – бросила Влада, и у нее полегчало на душе: пытка откладывалась. Хотя если пленник не помнит себя, то и отвечать за совершенное преступление вроде и не должен... Как же, не помнит! Лжет он, придушивается!

Под присмотром Грифа пленника повели к ближайшей луже, ткнули головой в воду и вымыли лицо.

Влада хрустнула пальцами и потрепала Юну за холку. Добыча почему-то не радовала ее. Казалось, что от души отрезали огромный кусок, и непонятно было, заполнится ли когда-нибудь пустота.

Вскоре двинулись в обратный путь. Спеца гнали впереди, держа под прицелом. Он шлепал по болоту и оглядывался, пытаясь посмотреть в глаза Владе. Нашел самую слабую и на жалость давит. Нет, дорогой, ничего у тебя не получится!

Глава 4

Сектор. Тверская область; лагерь Фиделя

Сначала Данила различил звуки – вроде бы голоса. Разлепил веки – свет резанул по глазам, в голове будто граната взорвалась. Сквозь навернувшиеся слезы он разглядел что-то черное... силуэт... Проморгался: да он под прицелом! И целится в него девушка – молодая, черненькая, ничего так... Да это ж дочь Фиделя! Точно!

Башка раскалывалась, Данила лихорадочно пытался сосредоточиться, но мысли разбегались... Девка, автомат, собаки, какие-то мужики... Ч-черт! Что за дерьмо?

Девушка скривилась и прошипела:

– Очухался, гнида!

Вот так! Первым порывом было вскочить, выхватить у нее автомат – и прикладом в шею; потом откатиться, скосить очередью лысого задохлика, в котором угадывался лучший боец, затем – блондина, следом – молодого, тоже лысого, но еще и безбрового дылду. Дернувшись, Данила обмяк: связан, башка болит, в глазах темнеет. Четверо врагов навели стволы. Вот же попадалово!

Все-таки что случилось? Перед глазами пронеслось недавнее прошлое, будто его отма- тывали назад: сумерки, штурм лагеря контрабандистов, засада, собачий лай, кочки-мох-вода, а потом – смутно. В искажение вляпался, что ли? Та-а-ак... Эти люди, получается, пресле- дователи. Все-таки догнали. Если не пристрелили, значит, чего-то хотят. А что они могут хотеть? Информацию. Если так, начнут пытать. Нужно притвориться беспамятным, чтобы выиграть час-другой, а за это время подвернется удобный случай для побега. Или не под- вернется.

Данила попытался шевельнуть пальцами, но не почувствовал их – запястья передавило веревкой. Для начала надо попытаться ослабить путы. Если долго-долго сокращать мышцы, веревка растянется. А там – освободиться и действовать по обстоятельствам.

Придав лицу жалостливо-придурковатое выражение и оглядевшись, Данила прогово- рил:

– Голова... Контузия. Где я? Что со мной? Кто вы такие? Девушка, вы же не чурки, почему я связан? Где моя рота?

– Не надо косить под дурачка! – продолжала яриться девка. Мужики тоже глядели вол- ками.

Сообразив, что пару минут жизни выиграл, Данила продолжил гнуть свою линию в надежде разжалобить бабу:

– Кто вы такие? Что я тут делаю? Я помню, как мы поджидали караван с героином в ущелье, но нас сдали, и они напали первыми. Граната... Почему я здесь?

– Не спускайте с него глаз. Смотрите, чтоб не развязался, и держите оружие подальше. Это хитрая и опасная тварь, натасканная на убийство, ясно? – сказала дочь Фиделя своим, шагнула к Даниле и вмазала ему по носу.

Одна собака заворчала, вторая коротко тьякнула. Мир померк для капитана во второй раз, по голове как кувалдой огрели, по губам потекла кровь. Некоторое время в ушах звенело, перед глазами плясали «мушки». Гениально, ничего не скажешь: вырвиглотки, идите сюда, тут кровь!

– За что? Что я сделал? Почему я здесь, а не в горах? – Собственный голос еле проби- вался сквозь звон, заполняющий мир.

Девка наклонилась и прошипела:

– Ты еще спрашиваешь, гнида? Это я должна спрашивать! Кто, сука, тебя нанял?

Понятно, в чем дело. Им нужно имя нанимателя, но хрен они что узнают.

Она продолжала разоряться и угрожать, прицелилась Даниле между ног, в ее взгляде читалась решимость. Он исправно изображал из себя дурачка, который ни в чем не виноват и боится ее до колик. Для пушей убедительности Данила даже начал отползать на заднице, сжимая-разжимая кулаки и думая, что он и правда боится. Ни один моджахед еще не пугал его так, как эта сумасшедшая девка, целящаяся между ног.

На помощь пришла мужская солидарность. Побрызгав слюной в споре со своими, дочь Фиделя таки велела сопровождать Данилу в деревню, где он будет допрошен с пристрастием. То есть побег надо планировать по пути. Хорошо, что веревка постепенно растягивается. Только бы не растереть запястья – кровь привлечет внимание конвоиров.

Данилу пустили вперед и взяли под прицел. Это осложнило ситуацию: труднее будет развязаться. Стоит рыпнуться – они начнут стрелять, и если даже промажут, здоровенные собаки настигнут беглеца и завалят. Интересно, что это за порода? Рыжие, мускулистые, вислоухие... похоже на смесь дога с питбулем, вдоль позвоночника – полоса шерсти, стоящей дыбом.

Вдруг мешочек с сигналкой, о котором Данила забыл, сделался обжигающе горячим – он аж зашипел от боли. Если камень проснулся, значит, скоро будет Всплеск. Обернувшись, Данила оценил ситуацию: позади – светловолосый, из-за него торчат локти задохлика, следом идут баба и молодой дылда.

В ушах зазвенело – предвестие Всплеска. Собаки заскулили. Фиделева дочка принялась чесать ближайшую за ухом и озираться в поисках опасности.

Всхлипнув, блондин сжал руками виски и повалился на колени, тонко заорал задохлик и завертелся на месте, безбровый парнишка вытаращил глаза, собаки, воя, забились в судорогах. Началось. Но как-то уж больно интенсивно, вон как местных проняло!

Данилу тоже зацепило Всплеском, но «сувенир» смягчил воздействие – только слегка затошнило да усилилась головная боль.

Встать, выбить автомат у светловолосого, пнуть его в живот. Есть! Падает тюком и даже не сопротивляется. Руки никак не освободить – веревка впивается в кожу. Найти нож! Данила метнулся к задохлику, заметив на его боку свой любимый «пентагон», присел, кое-как вынул клинок и, оглянувшись на движение, вовремя рухнул в мох: девчонка спряталась за блондина и пыталась прицелиться.

– С-сука... – захрипела она и нажала на спусковой крючок. Хотя ствол автомата дергался в трясущихся руках, девчонка почти попала – пули просвистели над головой.

В идеале Данила рассчитывал перерезать веревки, взять автомат и перестрелять к чертям всех, кроме девки. Ее взять в заложники. Она не только поможет заполучить Фиделя, но и выведет в Тверь: раз от Всплеска ее корячит меньше, чем остальных, значит, проводник она неплохой. Теперь же план рушился: нож Данила добыл, но девка встала и, покачиваясь, зашагала вперед с твердым намерением пристрелить врага – как ни крути, он не успеет перерезать веревки и взять автомат.

Данила вскочил и рванул по болоту, перескакивая через мшистые кочки. Ладони сжимали шершавую рукоятку ножа.

Позади застрочил автомат – зачвакали пули о воду, взбивая фонтанчики. Закружились рубиновые листья на поверхности лужи. Данила ломился вперед, молясь, чтобы Всплеск длился как можно дольше. Сигналка обжигала грудь. Отрешиться от боли – и вперед! По воде, чтоб собаки не взяли след.

Обежав валежник, он узкой замшелой насыпью помчался дальше, пытаясь перерезать путы и не пораниться. Кровь – это смерть. Хотя... можно резаться: все равно одежда вся в крови, что набежала из разбитого носа.

Всплеск все еще продолжался – хорошо. Небывалой мощности Всплеск. Пространство звенело от напряжения, по мутному небу плыли сполохи, напоминающие северное сияние. Погони пока слышно не было. Данила перевел дыхание: вроде оторвался.

Спустившись с замшелой насыпи в воду, он прошлепал назад через лужу, двинулся на запад, потом по воде вернулся в исходную точку и побрел дальше. Так он несколько раз путал следы, чтобы сэкономить время. Сигналка начала остывать – Всплеск закончился. Теперь надо быть крайне осторожным и тихим, не вляпаться в искажение, не встретиться с тварями, ведь из оружия – только нож. Что сделаешь тем ножом?

Болото закончилось, он ступил на твердую почву. Сколько прошло времени? Полчаса? Минут десять преследователи будут приходить в себя, а потом бросятся в погоню. Если сойдут со следа, это задержит их максимум еще на полчаса. Будь они в горах или в обычном лесу, он разделался бы с преследователями без труда, в Секторе же эти люди в своей среде, знают местность и все ее опасности, а он тут чужак. Глубоко вдохнув, Данила снова побежал.

Ветви хлестали по щекам, рассыпая золотые, бурые и багряные листья, пот застилал глаза. Проплывали поросшие мхом сосновые стволы.

Лес не просто опасен, он смертоносен. Угодив в искажение, можно поджариться заживо, сойти с ума, мгновенно состариться, тебя может расплющить или вывернуть наизнанку. «Что угодно, только не сделаться дряхлым стариком», – думал Данила на бегу. Благо, искажение тлен можно заметить по трупикам животных, к тому же это постоянное искажение, а не «бродячее», как микроволновка, паранойка или гравипапа.

Внезапно «сувенир» похолодел – и Данила остановился, отступил на шаг, задыхаясь. Сигналка снова стала теплой. Она так предупреждает об искажении. Шаг вперед – и опять грудь словно льдинкой кольнуло. Надо обходить. Раздвинув болотную траву, Данила ступил в воду и по пояс провалился в топь.

Так. Не двигаться. Вытянуть руки, распластаться и медленно вытаскивать себя из трясины. Трава выскальзывала из ладоней и вырывалась с корнем, но все-таки удалось вылезти.

Камуфляжная куртка и штаны собрали тонну грязи, Данила провел по груди руками сверху вниз – с чавканьем потекла жижа. Похоже, только спина осталась сухой. Холода, правда, не чувствовалось – но это пока, ночью будет около нуля. Нужно двигаться. Промедление – смерть. Хотя что так смерть, что эдак. То, что он до сих пор не вляпался в искажение и не встретил порождения Сектора – чудо.

На ходу Данила достал из-за пазухи карту с расплывшейся от воды южной частью Сектора. Все, что нужно, было видно. Сейчас он движется на северо-восток от лагеря контрабандистов. Надо поворачивать на северо-запад, к Твери. Данила срезал молодую осинку, сделал из нее подобие клюки с веткой-крюком вместо набалдашника. Теперь трясина не страшна.

Он пересек небольшое болото и двинулся на запад. Места по пути попадались все больше гиблые: мертвые, почерневшие рощи и мох, толщи мха, усыпанного незрелой клюквой. Кустарники уже сбросили листву и хватали за полы куртки. У берегов надувались пузыри, лопались, источая вонь тухлятины. Вдалеке пела девочка переливчатым голоском, и от ее песни волосы вставали дыбом, потому что никакая это была не девочка, а что за тварь такая – не хотелось и думать. Несколько раз Данила видел темные тени в мутной воде. Неведомые твари резвились, и листья кружились в водоворотах. Теперь он старался держаться подальше от воды.

Преследователи отстали, и ощущение опасности ослабло. Все чаще Данила вспоминал о тварях Сектора и чувствовал спиной недобрый взгляд, но когда оборачивался, позади никого не было. Казалось, что Сектор – огромное живое существо. Деревья и кусты – его шерсть, ветер – дыхание, а твари – глаза, уши и лапы. Человек здесь чужак, абсолютный

чужак, на него смотрят в лучшем случае с подозрением и недоверием, а в худшем – с кровавой ненавистью.

И это здесь, в Первом поясе, а что происходит в Глуби? Мрачная, недоступная область в сердце этих земель, откуда катятся Всплески и расходятся хамелеоны, словно там находится некий странный источник, порождающий их... Туманный, загадочный центр Сектора, откуда, по сведениям капитана Астрахана, не возвращался еще никто.

Потеряв направление, Данила остановился, чтобы отдышаться и свериться с картой. Он в Тверской области, но Тверская область большая. Если прикинуть по времени и средней скорости бега, получается... а чупакабра его знает, что получается, не по прямой ведь бежал. Допустим, вот это болото – Чистый мох, до города – двадцать шесть километров на север. Тверь – не деревня, ее трудно не заметить, значит, единственный путь – очень быстро идти вперед, сверяясь с компасом. Если повезет, встретится патруль, хотя вряд ли, не любят они здешние места, всё больше у Барьера промышляют.

В обычном лесу Данила точно добрался бы до Твери до темноты, но вокруг – Сектор, прямых дорог нет, искажения приходится огибать. Вещи бы просушить, сожрать что-нибудь, так ведь нет ничего... «Ладно, мы тренированные, просто так не сдохнем».

Кое-как отчистив грязь с лица и одежды, он пошел не прямо на север (там поля, заросшие за прошедшие годы молодыми березами и осинами, не пролезешь), а на северо-запад, по нормальному древнему лесу. Если верить карте, вокруг полно заброшенных деревень. Они еще до того, как Сектор появился, вымерли: молодежь разъехалась по городам, старики – по кладбищам. Но что-то осталось, срубы так быстро не гниют, значит, можно забиться в угол, развести костер.

Сперва Данила подумал, что вышел на опушку. Потом понял, что судьба вывела его к заброшенной деревне.

– Спасибо тебе, Сектор, – пробормотал он, озираясь.

Сады разрослись и закрыли дома, заборы упали, деревенская улица была неотличима от просеки в лесу. Впереди обозначились зубцы разрушенных кирпичных стен то ли школы, то ли магазина и темные бревна сруба под провалившейся крышей.

Прислушался: собак не слышно. Сильно отстали. Надолго ли?..

После купания в топи бил озноб. Перед глазами всплыло кровавое месиво, в которое превратился Виталик Лазебный. Сунуть гранату себе за пазуху... Мерзкая смерть. Врагу не пожелаешь. А ведь Виталик сделал это сам. Собственной рукой. До какой же степени Сектор способен выворачивать наизнанку мозги?..

И ты, боец Астрахан, сейчас в самой заднице этого самого Сектора. Один. Без связи. Без снаряжения. Без оружия. Мокрый и голодный. С ножом и острым желанием выжить.

Огонь бы развести... Но некогда. И нечем. Поэтому будем греться движением.

С шага Данила перешел на легкую трусцу. Болото, слава богу, осталось позади, под ногами опять была твердая почва. Даже больше того – дорога. По крайней мере, когда-то это было дорогой, в меру убитой грунтовой. По которой никто не ездил... давно. Лет десять, а то и все тринадцать. И в деревне никто не жил где-то столько же. Видимо, жители ушли отсюда сразу после землетрясения на Могилевском или же были эвакуированы годом позже, когда военные начали возводить Барьер.

Кто теперь обитал в почерневших, покосившихся избах, оставалось только догадываться... Но кто-то там обитал, точно – Данила это загривом чуял. Он шел по центральной улице деревеньки мимо заброшенного магазина с вывеской «Гастроном», мимо опорного пункта полиции с выбитыми стеклами, полусгоревшего (молния, наверное) здания сельсовета – и никак не мог отделаться от ощущения, что за ним наблюдают.

Такое уже бывало с ним пару раз на Кавказе и на Памире. В стрессовой ситуации чувства обостряются до такой степени, что начинаешь ощущать пристальное внимание снайпера еще до того, как краем глаза заметишь блик прицела на склоне горы.

Похожее было и тут. Только не снайпер, что-то другое. Хищное. Быстрое. Опасное.

Все мышцы напряглись, по спине прошел холодок. Древние инстинкты требовали бежать, немедленно, сломя голову, куда глаза глядят. Усилием воли Данила инстинкты подавил. В интуицию как сверхспособность он не верил, считал ее просто способом подсознания обрабатывать массив информации, на которой не акцентируется внимание. Очень полезное свойство.

Вот только что он такое заметил – услышал? унюхал? – от чего его напрягло, как охотника перед волчьим логовом? Данила еще больше сбавил скорость, по возможности незаметно озираясь по сторонам.

Что-то там было. Вон там, за избой, в запущенном палисаднике. И вон там тоже, на заросшем бурьяном огороде. Движение, очень быстрое, практически неуловимое глазом.

Какой-то зверь. Кошка? Да ну, какая кошка в Секторе?.. Нет, это местная живность, твари-мутанты. А они опасны все, без исключения. Понять бы, что именно там бежит. Ну-ка, тварь, покажись!

Но прежде чем Данила сумел разглядеть загадочного зверя, что-то ударило его в спину – несильно, но неожиданно, сбивая с ног. Отточенные рефлексy превратили падение в кувырок, и только благодаря этому тварь, прыгнувшая на Данилу с крыши ближайшей избы, не удержалась на его спине.

Данила прокатился по некрупной твари, придавив ее своими семью десятками кило (а если считать с бронежилетом, то и больше), поэтому когда он вскочил на ноги, выставив перед собой нож, пришибленная зверюка с трудом поднялась на четыре лапы.

Голое пятнистое тело, мощные задние лапы с загнутыми когтями, узкая хищная голова. Длинный бледно-розовый хвост нервно хлещет по бокам. Размером – с некрупную дворнягу, весит килограммов пятнадцать, не больше.

«Чупакабра. Отличается злобным нравом и высокой прыгучестью. Что логично – задние лапы вон какие здоровые. Охотятся стаями, поодиночке – крайне редко. Будем считать, повезло».

Чупакабра по-собачьи встряхнула головой и вся подобралась, как сжатая пружина. Сейчас прыгнет. Данила провернул нож в руке. «Пентагон» – обоюдоострый кинжал, но одна кромка у него простая, а вторая – зазубренная. Когда речь идет о вспарывании чего-то живого – с костями, сухожилиями и внутренними органами, вторая предпочтительнее.

Тварь посмотрела на Данилу и, чуточку склонив голову набок, застрекотала, как гигантский сверчок.

«Ну, давай! – мысленно подбодрил он. – Прыгай!» Отставил ногу, поднял свободную руку и поводил клинком в воздухе, разминая запястье.

За спиной раздался ответный стрекот. А вот и стая.

Дальше события развивались молниеносно. Одна тварь бросилась сзади на шею, вторая атаковала запястье вооруженной руки.

От первой атаки спас бронежилет, а от второй – везение. Вторая чупакабра промахнулась, пролетела мимо Данилы. Когти первой пропоролы куртку, но бессильно царапнули кевлар на спине, а зубы впились в воротник, опасно клацнув в сантиметре от шеи.

И тут оглушенная чупакабра, которая стояла перед Данилой и созывала стаю, атаковала его в пах. Промедли спецназовец хоть мгновение – она бы проделала с ним то, что ветеринары цинично называют «дефабержирование». Но Данила успел отреагировать, и чупакабра нарвалась на поднятое колено.

Потом в дело вступили рефлексy. Ударить тварь номер один рукояткой ножа по голове. Закинуть руку за спину, схватить за шкуру тварь номер два, сорвать с себя, метнуть в тварь номер три. Придать им обоим ускорение пинком. Дважды пырнуть первую тварь – в шею и в пятнистое брюхо. Развернуться к двум оставшимся.

Поправка: к пяти оставшимся. Пока он разбирался с первой волной нападающих, стая удвоилась. Сколько же их там прячется по избам и палисадникам?!

Данила медленно попятился, стараясь прижаться к забору, чтобы обезопасить спину. Чупакабры нападать не спешили – судя по всему, ждали подкрепления. Две самые смелые вышли вперед и обнюхали труп сородича.

«Сейчас они меня окружат, – прикинул Данила, – и нападут по разным уровням. Одни будут прыгать с крыш и заборов, целя в голову и шею, другие – бросаться в ноги, чтобы не убежал. И всё, ножом не отмахаться. Огнемет бы сюда... Или хотя бы дробовик!»

Так как ни того, ни другого в пределах досягаемости не наблюдалось, а число чупакабр росло на глазах (твари выползали из подвалов и окон, выныривали из зарослей бурьяна и спрыгивали с телеграфных столбов), Данила выворотил из забора наименее сгнившую штакетину и двумя взмахами ножа превратил ее в копьё, заточив один конец.

Чупакабр вокруг было уже больше десятка. Переговариваясь тихим стрекотом, они медленно сжимали кольцо. И это были только те, кого он видел. А самый опасный противник – тот, кого ты не видишь.

Вокруг было слишком много мест, где могла спрятаться такая мелкая и шустрая тварь, как чупакабра. Деревня, конечно, не город, но главная проблема ведения боя в урбанизированной обстановке тут сохраняется: помимо спереди-сзади-слева-справа противник может быть еще сверху (этажом выше) и снизу (в подвале или погребе), что дает атакующим преимущество. Поэтому место грядущего боя надо было срочно менять.

Данила перехватил заточенную штакетину, сделал обманный выпад ножом в сторону ближайшей чупакабры – та резво отпрыгнула, зашипев и оскалив клыки, – и проткнул копьём ее родственницу. Насквозь, но не насмерть – нанизанная на кол зверюка заверещала и забилась в агонии, разбрызгивая вокруг белесую, точно гной, кровь.

Лучше и придумать было нельзя. Данила метнул копьё с подыхающей чупакаброй в стаю (твари шарахнулись врассыпную), а сам перемахнул через забор и бросился бежать.

Сейчас спасение было в скорости.

Бегать в бронежилете – занятие весьма изнурительное, капитан понимал, что времени у него немного. Сейчас чупакабры придут в себя и бросятся в погоню, и оставалось только надеяться, что в процессе погони они растянутся в цепь и будут нападать по одной штуке за раз.

Он успел добежать до опушки леса, когда легкие все-таки не выдержали. Чтобы не упасть, вцепился в ствол дерева и замер, жадно хватая ртом воздух. Грудь горела огнем, в левом боку кололо не по-детски. Стареешь, боец Астрахан...

Данила обернулся, чтобы оценить, насколько удался его маневр по рассеиванию стаи, и обомлел. Чупакабры – вот ведь умные твари! – преследовали его неторопливо и спокойно, словно понимая, что никуда он от них не уйдет. Они сохраняли общий рисунок стаи – этакую подкову, в которую собирались зажать Данилу.

Умные. Слишком умные. Мутанты ведь, дети Сектора...

От увиденного у Данилы проснулось второе дыхание, а еще – дремучие, первобытные инстинкты загнанного зверя. Он очертя голову ломанулся в лес, не разбирая дороги и перепрыгивая через поваленные деревья, которых тут почему-то попадалось исключительно много.

Он не смог бы потом ответить, сколько так пробежал. Мозг отключился, работали только ноги. Бежать, чтобы выжить. Самое древнее занятие из всех известных человеку. Бежать, пока есть силы. А потом бежать еще. Без сил, но бежать...

Кусочком льда бился в грудь ставший неожиданно холодным «сувенир».

Что так, что эдак – смерть.

Надо бежать!..

В какой-то момент Данила понял, что дальше двигаться не может. Чудовищная тяжесть навалилась на плечи и придавила его к земле. Немыслимая, нечеловеческая усталость сковала мышцы, и каждый шаг вдруг стал даваться, как последний в этой жизни. Невидимые тиски сдавливали череп, и он почувствовал, как что-то режет, выдавливает ему глаза. Из носа побежала тонкая струйка крови.

Всё, отбегался. Каюк...

В этот самый момент кто-то схватил его за воротник и рванул назад.

* * *

Всплеск долбанул с такой силой, что от боли потемнело в глазах. Влада всхлипнула, у нее подкосились колени. Наверное, нечто похожее чувствует человек в гравитационной ловушке – невидимые тиски сжимают голову, выворачивают желудок.

Оглушенная, Влада некоторое время не замечала, что происходит вокруг, – деревья, небо, кочки слились в бурое пятно, словно мир превратился в гигантскую центрифугу. Но Сектор благосклонен к проводникам, Всплески они переживают легче других людей, и вскоре зрение вернулось. Трусами валялись односельчане, а вот пленник был бодр. Фантастика! Как ему это удастся? Неужели у него сигналка?

Крадется. Присел возле Сухова, потянулся к ножам. Вот же дрянь поганая! До чего же тяжел автомат и слабы руки! Вскинуть его, прицелиться, насколько это возможно, шагнуть вперед и нажать на спусковой крючок... Отдача рвала автомат из рук, каждый толчок сопровождался болью, будто не она стреляет, а в нее.

Пленник бросился к воде, Влада зажмурилась, из последних сил сжимая автомат, разрядила магазин, надеясь, что зацепит беглеца, но вскоре он исчез из виду. Тогда она встала на четвереньки, и ее вывернуло.

Собаки сначала дергались, потом затихли и лишь поскуливали, закатив глаза. Владе казалось, что она умирает. Нет, весь мир умирает. Повалившись на бок, она обняла Барона и застонала. Наверное, ощущения во время Всплеска напоминают наркоманские ломки. Мысли разлетелись из головы, осталась одна цель – выжить.

Как только Всплеск закончился, навалилась усталость. Каждая жилка стонала, просила отдыха, будто Влада бежала марафон. Барон зашевелился, освободился из объятий и попытался встать, но лапы разъехались, и он плюхнулся пузом на землю, как недельный щенок. Кое-как заставив себя сесть, Влада встретила взглядом со Свеном. Глаза у того еще больше запали, выглядел он больным. Сухов с трудом поднялся и стоял, опираясь о ствол – неуверенно, как забуддыга. Гриф лежал с разинутым ртом. Влада подползла к нему, нащупала пульс на сонной артерии: сердце бьется.

– Сашка! – прохрипела Влада и потормошила его. – Гриф, хватит придуриваться!

Парень замычал и причмокнул. Разлепил одно веко, лишенное ресниц, другое, перевернувшись на живот и ткнувшись лицом в мох. Безволосый затылок его мелко дрожал.

– Эх шарахнуло! – заплетающимся языком проговорил Свен. – Даже меня, проводника, приложило так, что думал – всё, конец!

– Я такого не помню, – шепнул Сухов и потер бурую кожу лысины.

– Никто... не помнит, – пробубнил Гриф.

– Хех, а масовец-то наш сбежал, – вздохнул Сухов. – Зря вы меня не послушали, контрольный в голову его остановил бы.

Влада зыркнула на него злобно и снова ощутила себя неумехой. Связанный масовец обвел их вокруг пальца, а всё почему? Потому что тщательнее надо проводить обыск, присматриваться к деталям. Заметь она сигналку, не пропало бы даром столько усилий... Из раздумий ее вырвал горестный возглас Сухова:

– Сволочь, уволок! – Он хлопнул себя по боку. – Такой нож спер!

Влада помассировала виски, заставляя себя сосредоточиться.

– Значит, веревки он перережет. Огнестрел на месте?

Бойцы схватились за оружие. Гриф сказал:

– Вроде да.

– Хорошо. Очухиваемся и продолжаем преследование. Сашка, ты как?

– Хреново, но живой, – ответил Гриф убитым голосом. – Минут пять дайте, а?

Пока ждали, Влада два раза роняла сигарету, потом непослушными пальцами не могла справиться с зажигалкой. Наконец прикурила и уставилась в беловато-синее небо. В голове вертелось: Сектор – кусок нереальности. Зимой здесь на пять – десять градусов теплее, чем во всей округе, причем температура повышается ближе к эпицентру – Глуби; небо белесое, хотя должно быть пронзительно-синим. Туман постоянно, опасность на каждом шагу... А все равно ей тут комфортнее, чем в городе.

Свен оклемался, сел на корточки рядом с Грифом, толкнул его, вынул из-за пазухи флягу:

– Выпей вот. Три маленьких глотка – и будешь как новенький. Травяная настойка, брат делал. – Свен перекрестился и посмурнел, подождал, пока Гриф отхлебнет положенные три глотка, и продолжил, вставая: – Идемте, что ли? Не пр-р-рошу ему брата! Сам на крючках подвешу и выпотрошу!

– Такой настрой мне нравится! – Влада вскинула автомат. – Барон, Юна, след!

Собаки потрусили вперед без азарта.

Сил после Всплеска не осталось, но Влада упрямо бежала, следом пыхтели Свен с Грифом, хекал Сухов и утверждал, что погоня бессмысленна: одиночку с ножом в Секторе сожрут в течение пяти минут.

Влада молчала – сэкономила силы. По ее недоработке погибли Циклоп и Никола. Спланируй она оборону более грамотно, ничего подобного не случилось бы. По ее же вине сбежал единственный выживший налетчик. Ну кто мешал как следует его обыскать? Сухов ведь пытался! Догнать беглеца надо во что бы то ни стало. А если не догнать, то хоть убедиться, что он сдох, забрать его череп и сделать из него пепельницу.

Вскоре собаки сбились со следа: бегали вокруг то ли озера, то ли лужи, тыкались носами в мох, сопели. Влада металась за ними, потом остановилась передохнуть. Рядом надрывался кашлем Сухов. Свен пустил по рукам флягу, дабы все хлебнули настойки брата и укрепились в ненависти к врагу. Спирт обжег горло, во рту долго горчило от трав. Едва восстановилось дыхание, собаки взяли след – Влада победоносно улыбнулась.

Ее радость длилась недолго: возле гравицапы псы след потеряли. Может, вляпался гад в искажение? Влада сощурилась, пытаясь отыскать труп. Не так это и просто, на нем ведь камуфляжный костюм, а впереди – сосновый лес. По идее, расплющить беглеца должно было практически сразу при контакте с искажением.

– Мужики, может, вы более глазастые. Впереди, метрах в десяти от нас, гравицапа, наш друг мог туда по неосторожности влезть, но я не вижу его тело.

Попутчики устались вперед и вскоре сдались. За всех ответил Гриф:

– Ничего. Нет его там.

– Говорил же: без толку! – напомнил о себе Сухов.

– Поворачиваем, – вздохнула Влада и зашагала назад, подавленная и опустошенная.

* * *

На подходе к лагерю, возле «гнезда», сидел нахохлившийся Леший. Влада возликовала – надо же, живой! – сдержала порыв, не бросилась обниматься, лишь кивнула ему.

Толкнула деревянные ворота: не заперто. Навстречу начали выходить односельчане. Из-за длинного сарая выскочил Зулус, прыгнул на хозяйку, едва не сбив ее с ног, и принялся лизать руки, щеки, лоб. Влада улыбалась, чесала его и приговаривала:

– Дружище, как же я тебе рада!

Когда с телячьими нежностями было покончено, Влада заметила отца. Шагнув навстречу, он сгреб дочь в объятия, похлопал по спине.

– Мы его упустили, – проговорила она, глядя ему в глаза. – Собаки потеряли след возле гравицы, но тела там не было. Как другая группа?

– Вернулись, не найдя след.

У бревенчатой стены лежали трупы Циклопа и Николы, накрытые простыней. Рядом валялись плохо обработанные доски и стружка. Не обращая внимания на вернувшихся, глухонемой Бирюк сколачивал гроб. Скорбно вздыхал проводник Кузьмич.

– Где именно упустили? – спросил Фидель.

– В десятке километров отсюда, северо-восточнее. По идее, он должен был ломиться в Тверь, но видимо, решил обойти. Или подох.

– Или нагрянул к Цыбулько, – добавил Кузьмич. – Больше некуда. Цыбулько ж вояки крышуют, там масовец и рассчитывает встретиться со своими. Он же не дурак по Сектору без оружия шариться. Если и у Цыбулько его нет, значит, он мертв. Если же он там, то старый черт выдаст его нам.

Влада имела радость сталкиваться с Назаром Цыбулько. Наихитрейший тип, способный продать на органы собственных детей. Удивляться нечему: везде, где пахнет поживой, таких пруд пруди, но было у Цыбулько еще много прекрасных качеств, из-за которых держаться от него следовало исключительно в зоне видимости прицела. А точнее, его нужно было все время держать под прицелом...

Последняя встреча закончилась тем, что Цыбулько получил по морде. Не сдержалась Влада. Потом этот урод отцу нажаловался, сказал, что обидимшись.

– Ты же знаешь, – покачала головой Влада, – он меня на порог не пустит.

– Значит, придется нам вместе идти, – кивнул отец. – Я бы на месте беглеца пробыл там до ближайшего патруля.

Столпившиеся вокруг люди слушали внимательно. Влада судорожно вздохнула. Ноги подкашивались, нечеловечески хотелось пить и есть. Отец спросил:

– Валя, обед готов?

Валя – худенькая серая мышь – закивала:

– Идемте, накормлю.

Хлебная суп, Влада не чувствовала вкуса. Отец сидел напротив и ел элегантно, промокая рот салфеткой. Зулус лежал в ногах и сопел. Звенели ложки. Отец придвинул тарелку с отбивной и овощами и проговорил вполголоса:

– Цыбулько уже полгода слюнки пускает на одну вещь. Если поможет нам, даром отдам. Только поэтому на него можно будет рассчитывать.

– Па, но он же мерзавец натуральный!

– Пойдем вместе, договариваться с ним буду я. Так ты согласна?

– Согласна, – кивнула Влада. – Но будь с ним осторожен.

– Я не так глуп, прост и наивен, как кажусь.

Влада бросила кость Зулусу, поднялась и сказала:

– Внимание, через полчаса идем к Цыбулько. Беглец предположительно там. Вооружаемся, берем с собой воду и веру в лучшее. – После чего, снова опустившись на скамью, добавила: – Зулус, нам с тобой предстоит работенка. Готовься.

Глава 5

Сектор. Тверская область, брошенная деревня

Чудик, першийся в гравицапу, развернулся и выкрутил руку Моменту, да так, что хрустнул локоть. Но Момент сам кое-чего умел – из захвата ушел, чудика выдернул подальше от искажения, вырубил и защелкнул наручники на кистях у него за спиной. Опасный, сволочь. Буйный. Наверное, паранойку словил, вот и прет напролом. Если такого не обезвредить, можно жизнью поплатиться.

Момент перевернул чудика: суров! Шрам от скулы до виска, резкие, хищные черты лица. Обыскал карманы, но в нагрудном не нашел паспорта, значит, не проводник. Оружия, если не считать ножа, при нем не оказалось. Кевлар навел на мысль, что это военный или сотрудник МАС – ни вольные, ни проводники из клуба ничего такого не носят. Похлопав его по щекам, Момент проговорил:

– Бро, очнись!

Чудик проморгался и сжал челюсти. Потрепанный, безоружный, грязный, морда в кровище. И как его не сожрали? Момент качнул головой:

– Бро, ты совсем дятел? Какого в гравицапу пёр?

Кажется, чувака основательно уже приложил Сектор. Взгляд его – совершенно безумный – остановился на спокойном лице Моменту, и чудик наконец начал врубаться.

– Ты кто? – просипел он. – Тут чупакабры.

– Да ты что? То-то я думаю: тут же чупакабры! – откликнулся Момент. – Но на самом деле они тут *были*. Они, бро, в отличие от тебя не идиоты, они в гравицапу не полезут, даже близко не подойдут, свалили они. Да и я им помог из автомата свалить... А вот ты у нас, кажется, таки идиот, раз напрямик в нее, родимую, попер что твой танк и...

Момент болтал и болтал, молотил чушь, не забывая присматриваться к парню. Тот сел, подергал руками, но снять наручники не попросил. И непонятно, почему в крови, почему один да без оружия. Дезертир, что ли?

– Кто ты такой? – прохрипел этот загадочный тип.

– А я, бро, проводник. Вольный чувак, шарюсь по Сектору, меня никто не трогает, я никого не трогаю, все Генку Моменту знают. Зовут меня так – Гена, можно Геша, лучше – Момент, потому что я всё моментом делаю, шустрый. А ты кто будешь?

Косится с подозрением, смотрит, как прицеливается. Не верит, а потому не назовется, соврет. Видимо, есть что скрывать чуваку.

– Я, между прочим, жизнь тебе спас, – добавил Момент с упреком.

– Сколько хочешь за это?

Момент присвистнул. Точно масовец – законов здешних не знает, таскается, не по понятиям живет, всё в деньги переводит.

– Тысячу баксов? Две? МАС заплатит.

– Нет, бро, не надо мне от них ничего.

– Сам заплачу. Две? Три? Мне надо выбраться отсюда, и чем скорее, тем лучше.

Пару тыщ страсти с несведущего масовца – неплохо. Но заплатит ли? А если копыта отбросит по дороге тем или иным способом, а Моменту потом перед МАС отвечать за смерть их человека? Не стоит рисковать, пусть валит на все четыре стороны. Или в Секторе их семь? Девять? Это такое место, здесь всякое бывает – и с пространством, и со временем.

Хотя куда он валить будет? Без оружия, без снаряги, без припасов? Вот же, задери его Сектор, неудачно вышло! Влип, таскайся теперь с ним...

Но с другой стороны, почему бы не попытаться подружиться с кем-то из военных? – смекнул вдруг Геша Момент. Это может быть полезительное для здоровья знакомство, хоть дырявая, но крыша.

Он сел по-турецки рядом с масовцем (если то, конечно, в натуре масовец) и по-свойски произнес:

– Не смотри на меня волком, бро. Я не знаю, кто ты, а потому наручники снимать пока еще опасаясь. Вдруг ты под паранойкой мне мозги вынесешь? Вдруг ты псих, а? Только беззастенчивые психи по Сектору в таком виде шатаются. Потому я прямо так отведу тебя к Цыбульке, и ты мне спасибо скажешь. А там захочешь отблагодарить – найдешь.

Спасенный скрипнул зубами в ответ.

– Понимаю, бро, – покивал Момент, – неприятно это, с железяками на клешнях. Давай вот еще так: от гравицапы отойдем, посидим, покурим, ты мне хоть расскажешь, кого я вытащил.

Боец, естественно, не расслабился, но и Момент пока что мало доверял новому знакомцу. Возникал с ходу целый ряд вопросов, среди которых основной: как это безоружный человек выжил в Секторе? Судя по тому, куда он забрался, не первый день здесь шарахается. Момент запустил руку в дреды и поскреб затылок. Пленник покосился на него, но промолчал.

Геша Момент знал, какое впечатление производит, и очень этим гордился. Люди его не боятся и не опасаются. Они замечают бородку, пыльно-белые дреды, расхлябанную одежду, плавные движения и сразу решают, что перед ними – безопасный укур. А то, что Момент под два метра ростом, и какое у него телосложение – это как-то ускользает. В камуфляже и постриженный Момент выглядел бы вполне опасным. Вот как спасенный – вроде невысокий, вроде замученный, а сразу видно, что убить может. Причем без особого напряжения и душевных метаний.

За этими размышлениями Момент отвел его подальше от гравицапы, сел на поваленную сосну, похлопал по сырой коре рядом с собой:

– Присаживайся, бро, побазарим, покурим. Будешь? – Он вытащил портсигар с самокрутками, открыл, но пленник вежливо отказался. – Ну как хочешь, а я, бро, пыхну. Как тебя занесло в Сектор?

Задумался – видимо, соображает, говорить правду или соврать. Момент «взорвал» самокрутку, затянулся, задержал дым, выдохнул через нос. Пленник молчал. Ну и что с ним делать? Нет, ну это – благодарность, да? Святой Джа! Не, бро, так не пойдет, сейчас мы тебя разговорим, мы из тебя всю правду вытащим. Еще одна затяжка...

– Точно не хочешь, бро? Это ты зря. Сектор не любит суеты. Ну сам подумай, ты же аж вон куда добрался, значит, соображаешь: Сектору нужно доверять. Почувствуй его – и моментом ваще все станет ясно. Так, бро?

Пленник прищурился и спросил:

– Что ты думаешь о Фиделе?

Вот так, значит. Значит, дело связано с Фиделем, и у этого товарища с ним то ли терки, то ли общее что-то. Скорее первое. И чё ему сказать? Что Фидель – друг? Он никому в Секторе не друг!

– Бро! – Момент просветлел лицом, решив быть правдивым, как Христос. – Чувак! Эта сука, Фидель, меня кинул. Он и доченька его, Влада, ее еще Бестией зовут. Фидель, понимаешь, железы через Барьер передает по своим каналам, ну, я подвалил такой – мол, чувак, давай и я кое-чего передам. А он, понимаешь, бро, идейный – гусары денег не берут, все такое. Короче, «сувенир» забрал, хороший, клевый даже – адреналинка, знаешь?.. Как, бро, не знаешь? Да ладно, ее же военные используют. Короче, такая фигня: кристалл типа

кварца, только багровый, вытаскивают из озверина, а озверин – искажение жестокое, пойдя оттуда выберись... Что, и про озверин не знаешь?

Видимо, чудик знает всё из путевода, а Сектор видел из окна броневида. Прочувствованная речь не возымела действия: рожа пленника оставалась каменной, и тогда Момент сменил тактику:

– Значит, так, бро. Ты, значится, мне не мешаешь, пока я занимаюсь своими делами, а потом я тебя отправляю к Цыбульке, от него выберешься, он масовская шестерка. Лады?

– Наручники снимешь?

Момент покачал головой. Хрен знает, что за человек. Вдруг оружие отнимет, пристрелит и по своим делам пойдет?

– Тогда веди прямо сейчас к Цыбульке твоему, – решительно сказал чудик и поднялся. – Ну?

Вроде согласен. Значит, скорее не зэк, а таки масовец. Хотя масовцы хуже зэков бывают, им закон не писан. Веди его... Ага, прям побежал. Столько перся сюда, чтоб цапку добыть редкую – и веди его. Фигу тебе, а не «веди прямо сейчас». Щурится, наблюдает... Что это с ним?!

Глаза пленника внезапно округлились, губы поджались, он вскочил:

– Твою мать!

Момент развернулся рывком: чего чувак разошелся – шарахается, дергается? И увидел, что пленник пытается стряхнуть ларву, ползущую по куртке. Тварь с кулак размером прицепилась крепко и ползла к открытой шее, длинный яйцеклад подрагивал.

Момент не любил насекомых. Не то чтобы боялся, просто они вызывали острейшее чувство брезгливости: и сегментики на брюшке, и подвижные хищные морды, и фасеточные глаза без выражения. А эта ларва была особенно мерзкой – морда вытянутая, увенчана жвалами, две пары зеленоватых усов, фасеточные лупалки и округлое брюшко, разделенное на сегменты. Ну, и главное украшение твари – пятисантиметровая кишка яйцеклада, который скорее не кишка, а игла, так ее растак!

И тут выяснилось, что на пленнике не одна ларва, что ниже по нему ползут еще другие.

– Наручники расстегни!!! – Чувак принялся очень бодро кататься по земле, сминая мерзких тварей.

А они всё летели и летели. Момент, отмахиваясь, выхватил из кармана ключи от наручников и бросился к пленнику, ударив растопырившуюся в полете ларву. Шмяк!

– Стоять! – приказал он, и пленник замер мордой в траву.

Момент одной рукой отбивался от тварей, второй пытался освободить парня. Наконец ключ провернулся – чудик вскочил, сбил ларву с Момента, схватил валяющийся прут – и тот в его руках расплылся по воздуху, пропал из видимости. Бывший пленник крутился вокруг своей оси с немыслимой скоростью, а покалеченные твари разлетались в стороны. Блин, не иначе спец тренированный, вот послал Сектор спутника в дорогу!

У насекомых нет мозгов, но ларвы каким-то своим ганглием сообразили, что так просто жертвы не дадутся, и расселись по деревьям. Доносилось потрескивание, от которого у Момента окончательно испортилось настроение. Этому способствовало также и то, что пришлось освободить чудака. Что за человек – фиг знает. И ведь не бросишь его – пропадет. А с собой тащить – гемор.

Момент, слегка попятившись, шумно вздохнул и уставился на парня:

– Что мне с тобой делать?

– Еще раз предлагаю три тысячи долларов за то, что ты меня выведешь. Просто доведешь до ближайшего патруля.

– Я – человек небедный, – сказал Момент, – и тут на заказе. Так что придется тебе, друг, подождать.

Спец, с опаской глянув в лес, достал из заднего кармана смятую сигаретную пачку, покопался в ней. Вытащил сигарету – согнутую, но не сломанную, – расправил, сунул в зубы.

– Зажигалку дай.

Момент протянул «зиппу», спец прикурил и вернул зажигалку:

– Я не могу ждать.

– Кто ж за тобой гонится? – Момент ногой толкнул расквашенную ларву: она продолжала ползти, хотя хитин был проломлен и красноватое крыло волочилось по траве. Скривившись, Момент отвернулся.

– Фидель, – раскололся наконец чудик. – Меня преследует Фидель.

– А, ну так это нормально, бро, и почти не страшно. Он все время кого-то преследует. Животное территориальное, слышал про такое? Охраняет владения. Единственное, что у него страшное, – собаки и доча, сука та еще. Влада Бестия, ну, я говорил, бро.

Спец криво улыбнулся, выдохнув дым ноздрями.

– Имел счастье познакомиться. Давай уже скорее сделаем твое дело и свалим отсюда.

Вроде он нормальный, решил Момент. Ну, относительно. А помощь будет кстати. Но все равно надо быть настороже.

– У преследователей – собаки, – сообщил масовец. – Нужно сбить их со следа. Есть рядом ручьи?

– Есть круче. Есть, бро, перец. Сейчас мы собак со следа так собьем, что у них носы поотпадают.

Момент сел обратно на бревно (штаны на заднице уже промокли от напитанной влагой коры, и сидеть было холодно), вытащил из рюкзака кисет с травой и два пакетика молотого чили. Жалко, конечно, обидно и досадно – хорошая дурь, забористая, но для правого дела можно и пожертвовать. Смешать с перцем, в мешочек, потом мешочек – на ногу. У любого пса нюх отобьет.

– Все-таки как зовут тебя, бро?

– Меньше будешь знать – дольше проживешь.

Настаивать Момент не стал – его право.

Когда все было готово, выдвинулись. Проводник шел впереди и каждый миг ожидал удара в спину – такая волна агрессии исходила от спасенного.

– Данила, – решился-таки представиться спец.

– Слушай, Данила, бро, ты в гравицапу чуть не влип, так? А знаешь, что в гравицах водится?

– Гравитация, – проявил эрудицию Данила.

– Облегчалка! – наставительно воздел палец Момент. – Это такая цацка, ее в рюкзак положишь – он легче станет. «Сувенир» под названием «облегчалка» стоит денег. И сдается мне, бро, в той гравицапе она лежит, нас дожидается. Вытащим моментом, деньги – пополам, твою половину я сразу в счет долга спишу. Скажем, триста баксов. Устроит?

Данила хмыкнул, разминая запястья. Прищурился на спасителя как-то не по-доброму. Момент аж пожалел, что его освободил. Ща ка-ак... Нет, не «как». Масовец произнес:

– Не устроит. Но я тебе помогу. Исключительно на добровольных началах. Как жест, значит, дружеский.

Момент поскреб подбородок. Темнит спец, запудрить мозги хочет, а потом еще так повернет, будто он, чудик, – главный. Ладно, облегчалка на дороге не валяется... то есть как раз валяется, но поди возьми.

Осторожно приблизились к искажению. Гравицапу узнать легко – трава и мох в ней не просто примяты по кругу, а вплющены в землю. Эта была большая – метров пять в диаметре, но не сплошная. В центре гравицапы был островок (маленький, в метр) нормальной растительности. Кольцо, значит, а не сплошной круг. Это хорошо. Это как «глаз смерча».

– Видишь? – спросил он. – Вон там трава нормальная, бро. Это значит, если прыгнуть и туда попасть, окажешься внутри, но в безопасности. Главное – в прыжке землю ногой не задеть, а то заплющит.

– И чего?

– И ничего. Ага, а вот и цацка! – Момент указал Даниле на утопленный в мох и почву «сувенир».

Облегчалка – похожий на гальку камешек, плоский, овальный, черный с металлическим отблеском. Эта была компактной, на ладони поместилась бы. А сильная она или нет – зависит от многих факторов – например, от того, сколько жизней гравицапа загубила. Но вообще, место хоженое. Наверняка уж больше одной...

Момент потерял руки и облизнулся. Никому не продам, себе оставлю. Суну в рюкзак, всё полегче таскать будет. Подошел вплотную к границе искажения, протянул над пятном вмятой травы руку – кожу чуть закололо, неприятно, как статическим электричеством, но вниз не повело, и то хорошо.

– Не опасно? – спросил масовец, держась позади.

– Не, бро. Тебя заколбасило, потому что ты наступил. В гравицапу наступать нельзя. А так – хоть летай над ней, хоть с шестом прыгай.

Достать цацку, как на жаргоне проводников и браконьеров назывались «сувениры» Сектора, не было никакой возможности. В другой раз Момент, может быть, плюнул бы и дальше пошел. Но тут ему как вожжа под хвост попала: ведь прямо под носом лежит.

– Знаешь, бро, давай так: я прыгну в центр, оттуда дотянуться получится. А ты страхуй.

– Как это – страхуй? Тебя там сплющит, да и всё.

– Не сплющит, в первый раз, что ли? Я моментом. Метнусь туда и обратно.

– Помрешь – без денег останешься.

Тоже верно. Момент подергал себя за дреды (всегда помогало придумать что-нибудь дельное) и решил действовать как обычно, без прыжков.

Из рюкзака он вытащил крепкую веревку и «сачок» – длинную телескопическую палку с проволочным кольцом, на которое крепилась прочная сетка. Вроде того приспособления, каким в деревне яблоки с веток снимают. Веревку Момент затянул на поясе, тщательно отмерил расстояние до ближайшей сосны и привязался. Проверил: длины как раз хватало, чтобы подступить к краю искажения, но не войти в гравицапу.

Теперь «сачок» в руки.

– Слушай, бро: ты следи, чтобы меня не того... не съели. А если вдруг чего – выдерживай меня на фиг подальше, вроде как я тебя. Усёк?

– Усёк.

Момент помедлил: не столкнет ли его масовец в искажение? Не, вроде не должен. Вроде настроен нормально, успокоился, рассчитывает на помощь, даже глаза горят – любопытно ему. Да и лицо у него такое... не добренькое, хищное, но и не злобное, а главное – не подлое. Да и куда ему без проводника в Секторе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.